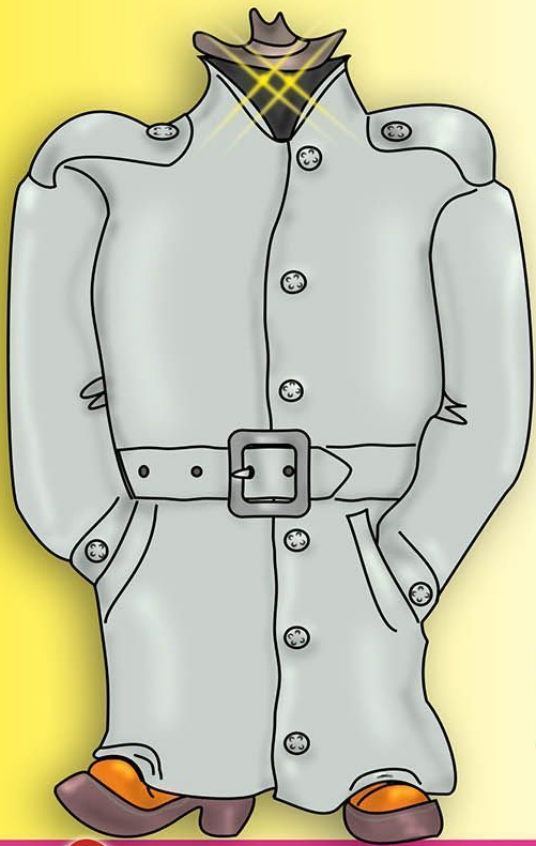
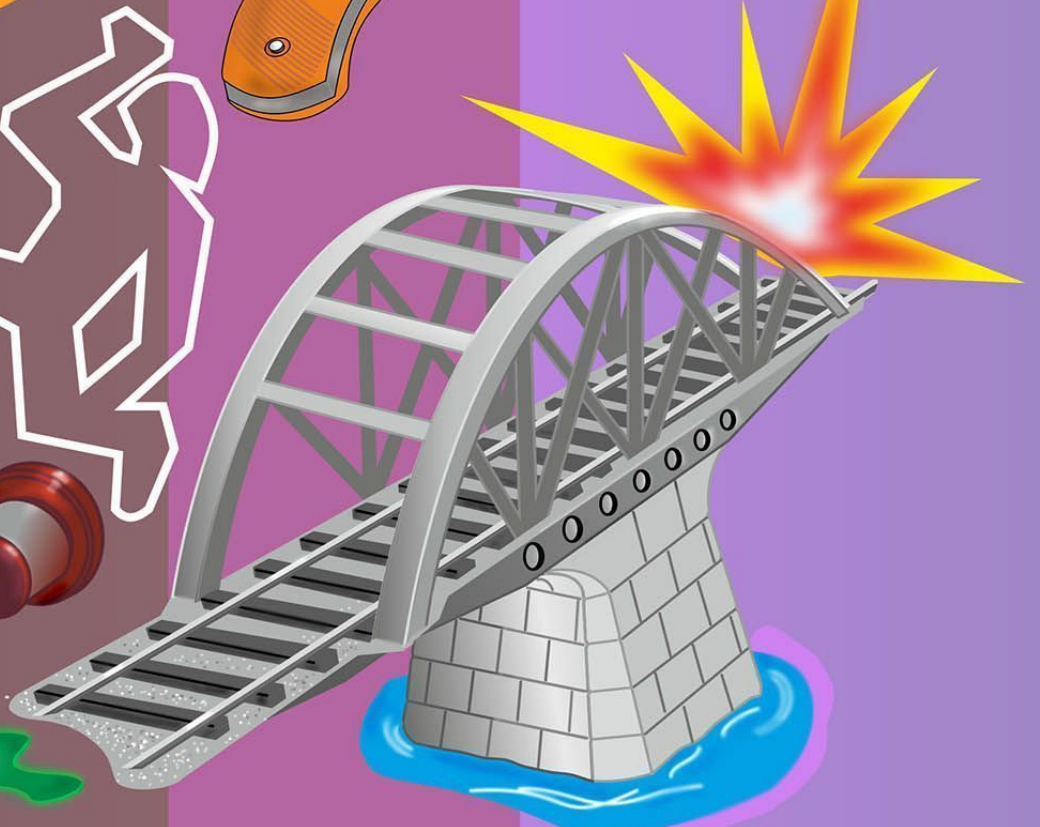


О'шадрун



Может 0.01%



Олег Шадрин

**Агент 0.01‰**

«Aegitas»

2020

УДК 821.161.1-3  
ББК 84 (2=411.2)6-44

## **Шадрин О.**

Агент 0.01‰ / О. Шадрин — «Aegitas», 2020

ISBN 978-0-3694-0317-9

Эта книга – неспешный рассказ о героическом разведчике Всеволоде Батумовиче Малярчуке, в прошлом славных тайных дел мастере, а ныне скромном городском пенсионере. Вехи становления его не за-, а урядной личности, урядной с такими титанами разведки как Исаев-Юстас-Штирлиц, капитан Кольцов, Йоганн Вайс-Белов, полковник Ладейников, граф Тульев и многими другими бойцами-невидимками фронта без линии фронта описаны нами с новыми вновь открывшимися леденящими подробностями. Как и подобает в таких случаях, роман создан в жанре очень черного блэкхоррорного юмора. Слабонервным читателям рекомендуем запастись валерьянкой, пустырником и нитроглицерином в исчерпывающих количествах, периодически измерять давление и пульс, а прежде чем приступить к чтению проконсультироваться у врачей-специалистов, как бы чего не вышло.

УДК 821.161.1-3  
ББК 84 (2=411.2)6-44

ISBN 978-0-3694-0317-9

© Шадрин О., 2020  
© Aegitas, 2020

## Содержание

Старость – не надость	10
Спасти и обезвредить	15
Чудесное возвращение	18
Тяжело в учении, легко в заточении	20
Вадик и старые соседи	21
Пересадка почки	24
«Школьные годы чудесные»	25
Тяжело в разведшколе, легко на воле	26
Субботник начинается в понедельник	28
Паша	29
Водник	31
Летун	33
Прыжок в никуда	34
Тихая охота короля страха	35
«Мы монтажники, не плотники, да!»	36
«Старик» и море разлитое	37
В ссылке	40
Законный отпуск	42
Красная кнопка	45
Долгожданная пенсия	46
Нлоитяне	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

# О'Шадри Агент 0.01%

*Выражаю благодарность за выпуск книги «Агент 0.01%»: издательскому сервису Aegitas, лично Эрнсту Хачатуряну.*

encoding and publishing house



Шпионско-юмористический роман

© О. А. Шадрин, 2019

© РИЦ «ИнфорЭМ», 2019

© Издательство «Aegitas», 2020

\* \* \*

Желтый «Фольксваген-битл», виляя на дороге, будто змея-медянка в весенней траве, ловко у ходил от погони. В багажнике на колесном диске сладко посапывал только что освобожденный из плена генерал Сидоревич («Старик»), резидент нашей агентуры на Ближнем Востоке.

Два мощных «Феррари 250 GTO» мчалось следом за автомобилем Малярчука. И это, не считая дюжины мотоциклистов на «Дукати»! Преследователи вели шквальный огонь из пистолетов-пулеметов «Беретта M12» на поражение. Сверху маячил полицейский «Ирокез», пытаясь достать беглеца новейшими ракетами «Булл-пап». Ситуация почти безвыходная, но... но «почти».

Всева на йоту секунды покосился на сиденье справа. Там, вдавившись по самое не хочу в пассажирское кресло, оцепенел от страха случайный попутчик, турист из Германии (на свою голову Батумыч взял левака, всего за пять марок!). Газеты, впрочем, напишут «заложника».

– Подержи, – невозмутимо пуская кольцами дым от сигары, процедил Малярчук и небрежно сунул туристу на колени рюкзак с противотанковыми гранатами. А затем, критически оглядев сильно вспотевший снизу организм пассажира, добавил. – Смотри, бедуин, сиденье не подпорти! Машина в аренде.

Тот только затрясся, как осиновый лист, и лихорадочно задвигал безумными глазами.

Всева меж тем старательно выжидал, когда вертолет приблизится вплотную.

Горный зигзаг. Геликоптер срезал его по прямой и вынырнул откуда-то сверху, почти над головой. Подходящий момент! Малярчук приоткрыл дверь, высунулся на полкорпуса из машины и изловчившись закинул гранату прямо в кабину летательного аппарата. Раздался оглушительный грохот.

– Донна миа, – выдохнул первый пилот, выброшенный взрывной волной из кабины и распластавшийся морской звездой на скале, но... так и не смог оторвать плоское лицо от базальтовой поверхности. Второй, штурман, икарнул в пике над апельсиновыми рощами внизу долины и потом, сверзившись с неба на шоссе, плотно заполнил собой трещину в асфальте. Третий – пулеметчик – головой вписался в горную расщелину.

Теперь настала очередь «Феррари» и мотоциклистов.

Малярчук стал усиленно работать легкими, накачивая воздух в них для избыточного давления. Впереди очередной крутой вираж. Мощный выдох, и шоссе заполнилось дымовой завесой от сигары.

Потеряв ориентацию, часть преследователей-мотоциклистов тут же скатилась в обрыв и затерялась в лесопосадке на склоне.

– Раззявы! – вырвалось самодовольным гортанным рыком из уст разведчика.

Оставалось добить остатки погони.

– Слышь, ты! Медуза! Руль поддержи! – обратился он к попутчику.

Турист не реагировал – пребывал в жутчайшем ступоре!

Тогда Батумыч, привстав, со всей силы заехал пассажиру ладонями по ушам с одновременным ударом головы в челюсть и коленом в... Парень схватился за нос и упал на приборную панель.

– Теперь слышишь?

– Йа-йа.

По приказу Всева попутчик взялся побелевшей левой рукой за руль сверху. А Всева, высунув в оба окна стволы автоматов, дал по длинной очереди. Однако прицельного огня не получилось: пули ушли «в молоко». Это из-за того, что руль болтался во все стороны. Вместе с рулевым колесом ходуном ходило и всё туловище туриста.

– А-а-а! Ничего нельзя доверить! – не переставая стрелять с двух рук, Малярчук вцепился зубами в баранку, попутно прокусив парализованную ладонь туриста и отпластнув резцами два пальца.

Всева постарался выплюнуть их на дорогу – мешают сосредоточиться. Но неудачно: один упал на пол салона, другой застрял меж зубов. К сожалению, зубочистка осталась в портфеле с секретными документами. А он там... там, откуда Батумыч вызволил генерала. Но не возвращаться же из-за нее обратно!

– Моя рука! – вопил турист.

– Послушай, как тебя?

– Эрик. Эрик Мровзе.

– Успокойся, взгляни на мир трезво!

– Как я теперь буду работать на заводе?! – обливался слезами пассажир.

– Не скули, Эрло! В бою всякое бывает... Получишь деньги по страховке, если есть. Купишь безлюдный островок в Эгейском море. И там проведешь, подобно Робинзону Крузо, остаток своей никчемной жизни. Чем не радужная перспектива?!

Однако идея туристу почему-то не понравилась, и он продолжил голосить благим матом.

Пытаясь управлять рулем с помощью своей челюсти, Всева осознал: так тоже не ахти – зубы не железные! Выкрошатся при резком повороте. Да и метко стрелять просто невозможно.

Эврика! Всева очередью «вырезал» отверстие в крыше салона. А затем одним рывком «передвинул» Эрика на водительское кресло, сам же пристроился на его плечах.

Для устойчивости следовало зафиксировать конечности туриста на узлах управления машиной.

Всева поддел мушкой автомата мокрые джинсы пассажира, стянул их вместе с кальсонами, порвал надвое и примотал одной половиной правую ногу парня к педали газа, а второй половиной руки к рулю. Сам же пристроился на его шее. И всё это, не сбавляя скорости!

Высунувшись в потолочный люк наружу, Всева продолжил палить из оружия, придерживая обеими ступнями руль.

Через некоторое время, сидя подобным образом, Малярчук осознал: неудобно – мал угол обзора для прицельной стрельбы. Лучше взобраться к Эрику на плечи или даже голову.

У туриста на голове была фетровая шляпа с широкими полями. Малярчук поставил левую ногу на плечо парня, а правой сначала неудачно промахнулся мимо макушки, и боти-

нок, прорвав поля головного убора, соскользнул до самого носа. Обидно! Шляпу можно было еще носить и носить!

Повторная попытка, и Всева ступня провалилась за шиворот сорочки и там застряла в районе пояса. В ярости Малярчук разнес рубашку туриста в клочья.

– Мой новый батник! – зарыдал от обиды молодой человек.

– Скорее всего, он тебе также больше не понадобится, – постарался успокоить бедолагу Батумыч.

Наконец, Всева приноровился и прочно пристроился на плече и голове пассажира.

– По моей команде ногой будешь прибавлять-убавлять скорость, – приказал он попутчику на чистом немецком.

Не с первого раза, но получилось!

Подожвой Всева нажимал на темя Эрика, и тот синхронно добавлял газ. Ослаблял давление на черепную коробку, и турист сбрасывал скорость. Резко ударял каблуком по затылку – тот тормозил правой ногой. Цепляясь носком ботинка за подбородок, Всева осуществлял поворот физиономии, и авто следовало в соответствующую сторону.

«Быстро обучаемый, однако!» – слегка успокоился Батумыч.

Трасса в предгорье стала более оживленной.

Малярчук принялся мотать головой Эрика, лавируя между большегрузами.

– Атас, братва, лови! – раздухарился Всева.

Свободными руками он выбросил руки с гранатами в разные стороны. Оба «Феррари», почти нагнавшие «фольк», кувыркаясь в воздухе, исчезли прочь.

После чего Батумыч стал поливать градом пуль оставшихся байкеров. Как назло зазум-мерила рация.

– Ты почему до сих пор не в посольстве на дипломатическом рауте? – заверещал голос пресс-атташе в трубке. – Подставляешь! Мне одному столько не выпить!.. – Услышав стрельбу, взрывы и стоны добавил:

– А понял, как всегда, смотришь боевик в киношке?!

«Да, надо поторопиться, а то сочтут за личное оскорбление!» – суксился разведчик и прибавил газу (согнул голову туриста в три погибели).

...Оторвавшись от остатков погони, Всева загнал машину на полянку среди сосновой рощи. Прислушался: в багажнике стихло. Сап прекратился.

«Живой ли?» – подумал Малярчук и открыл заднюю дверцу.

В тот же миг ему в нос заехала затекшая «стальная» нога Сидоревича.

Удар был сильнейшим: Малярчук пролетел метров этак дцать.

Оправившись от «ног дауна», разведчик попытался закинуть конечность генерала обратно в багажник. Куда там! Она распухла и потому не хотела складываться.

Отпилить? Всева набрал секретный номер руководства.

– Ничего, если спасенный генерал будет одноногим?

– Я сказал «доставить целым и невредимым»!! – взревел голос на том конце трубки.

– Есть, – огорчился Малярчук: «Придется везти так с высунутой лодыжкой. Но тогда по правилам дорожного движения нужна красная тряпка. Где ее взять?.. Кровь и майка!»

Всева снова позвонил руководству.

– А скажем так, у генерала будет прострелена ступня?

– Тогда у тебя, недотепа, будет прострелена голова!

Мда, способ также не годится... А если взять окровавленные морковного цвета кальсоны туриста, которыми привязали беспалую руку. Не пойдет! Кровь уже засохла. О, есть одна идея!

– Эретикус, наступи-ка мне на ботинок!

Пассажир, к которому обратился Всева, не подавал признаков жизни, прочно застряв лицом в спицах рулевого колеса.

Хлесткими апперкотами снизу разведчик вызволил голову из коварной западни и привел того в чувство.

– Я кому говорю?!

Молодой человек через силу выполнил приказание Малярчука...

– Ах, ты так?! И это твоя благодарность? – картинно возмущился Батумыч и выстрелил в Эрика.

– За что? – заплакал турист, схватившись руками за продырявленную пулей ступню.

– Лучше не спрашивай, а обмотай свою сквозную рану смокингом генерала. Теперь размотай обратно и дай сюда. Прилажу к его ноге.

– Да уймись ты, нытик!

Малярчук раскупорил зубами бутылку «Мерло». Корковую пробку с усилием вогнал в пулевое отверстие в ноге туриста: заткнул «пробоину в корме». Стоп! Она же еще может пригодиться! Малярчук вытолкнул пробку обратно, затем, подобрав в салоне откушенный палец, вставил его в сквозную рану: «подобное с подобным». Часть бутылки выпил сам, закусив «Киндер-сюрпризом», часть влил в приоткрытые гвоздодером зубы лежащего в прострации иностранца.

– Теперь спокойно доберемся до границы, – пробубнил себе под нос Батумыч. – А ты, – обращаясь к скорчившемуся от болевого шока туристу, – оставайся здесь, в лесочке. Извини великодушно, но на всякий случай заминирую. Если что: унесешь с собой еще пару-тройку врагов, считай, жизнь прожил не зря, будет что вспомнить на том свете. Про Эгейское море забудь! Это была красивая сказка для дебилов.

И Малярчук затолкал в горло пассажира по самый аппендикс триста граммов пластичной взрывчатки. Вместе с ручными часами, служившими одновременно взрывателем. Губы Эрика стянул между собой алюминиевыми заклепками.

– Бывай, не кашляй! – тепло попрощался Всева и снова сел за руль.

В течение некоторого времени он резво петлял по серпантину, поднимаясь по горному склону к границе с Швейцарией. Стоп, дальше сподручнее идти пешком. Напрямик через перевал. Всева по обыкновению сбросил машину со скалы и тронулся в путь в направлении Берна, где располагалось посольство, взвалив себе на плечи неугомонного Сидоревича. Пробирался по козьим тропам, изредка удаляя с них в пропасть случайных туристов. Так добрался до леса. Финита? Но и там Малярчука ждали неприятности. Преследователи в военной форме прочесывали цепью лесной массив. Выследили, ищейки! Пора, пора вступать в неравный бой. А как не хотелось!

Когда патроны и гранаты закончились, Батумыч, не раздумывая, бросился в рукопашную (предварительно бросив генерала на острые камни), используя запрещенные в то время в стране приемы айкидо. На всем пути его наступления, а потом и отступления лежали искалеченные трупы и будущие инвалиды-колясочники...

Всева подобрал неиспользованные преследователями гранаты (они им больше не пригодятся) и Сидоревича. Предстояло пересечь хребет. Разведчик пешком стал взбираться на гору. Миновав верхнюю точку, Батумыч с облегчением осмотрелся: самая трудная часть перехода закончена. После чего с «драгоценной» ношей принялся спускаться вниз. Откуда-то сверху, с самой вершины, показался одиночный горнолыжник. По всей видимости, профессионал фри-стайла и могла.

Малярчук, не будь дураком, поставил ему подножку и, пока тот кувыркался в воздухе, снял с него лыжи с ботинками. В результате спортсмен приземлился точно на свою дыню. Не дождавшись зрелищного результата полета, Всева начал головокружительный спуск с горы.

Умело маневрируя, Батумыч попытался сходу преодолеть широкое и бездонное ущелье. Однако до того «берега» не хватило буквально десятка метров: Всева пролетел чуток ниже и воткнулся лыжами в скалу. Удар корпуса о камни смягчил Сидоревич, которого Малярчук providчески держал на вытянутых ладонях перед собой. Хорошо, что «Старик» был в отключке, иначе бы умер от страха и боли.

Батумыч зацепился за камень и повис на одной руке, в другой он привычно держал за ногу болтающегося над пропастью спасенного генерала. Подтянувшись для разминки, как обычно, раз пятьдесят, Всева выбрался на неприметную тропу. Перед ней висел фанерный щит «Осторожно, лавины». Батумыч вырвал щит и решил дальше продолжить путь на нем. Впереди внезапно показалась новая кодла преследователей на лыжах. Вероятно, ее десантировали с вертолетов или на парашютах с самолета. Заметив Всеву с ношей, преследователи открыли кинжальный огонь. Малярчук понял, нападавшим отдал приказ о физическом уничтожении беглецов. Эх, боеприпасов маловато! Но Всева догадался: бросил связку гранат в сторону снежного пласта. Пласт сдетонировал от взрыва и превратился в грозную лавину. Она белым водопадом заструилась над скальными породами. Батумыч попытался увернуться в пещере, и это ему удалось. Лыжников же, к их неописуемой досаде, всех смело в пропасть. А ведь переписать имущество на родных они так и не успели: сильно подгонял заказчик. Что ж, глаза зашорили легкие деньги!

Подобрав на лету одного из кувыркающихся по обычной схеме, Всева снял с него все снаряжение, включая станковый рюкзак и портмоне с фотографиями семьи.

...Разведчик спрятался в каменном гроте. Пока идут поисково-спасательные работы. Переодевшись в костюм лыжника, Малярчук продолжил путь. Сидоревич мерно отсвистывал храпом что-то из классики в экспропрированном рюкзаке за спиной.

Далее все прошло как по маслу. Противник выдохся людскими ресурсами, а новых еще растить и растить.

Вот и Берн. У входа в трехэтажный особняк посольства расхмелевший Сидоревич, которого за шкурку выбросил из рюкзака Малярчук, пытался перечить и даже успел повторно назидательно лягнуть Батумыча. На что Всева нанес свой коронный прием по ушам в контексте с головой и коленом. Сидоревич на минуту-две успокоился. Но потом, оклемавшись, стал расстегивать поясной ремень с целью задать трепака строптивому подчиненному...

Дальнейшее описание не представляет интереса, поскольку включает себя обычный банкет с шампанским, устрицами и салютом.

За посиневшую от переохлаждения ногу генерала и сильное опоздание на раут Всеву в очередной раз понизили в звании. Поскольку он после нескольких «успешных операций» был уже разжалован в рядовые, то ниже шло только минус маршал, затем минус генерал-полковник и так далее до минус рядового (справочно: при выходе в отставку Малярчук дослужился до звания «минус капитана»).

...Вот таким был в молодости Всеволод Малярчук по кличке «Свирепый». Под этим ником его звали наемники в Африке и Индокитае, на Ближнем Востоке и в Колумбии. И да, он реальный, а не киношный герой серых будней разведчика...

## Старость – не надость

Мариша, жена Малярчука, пенсионера с седьмого этажа основательно заперла дверь снаружи на недавно установленный кодовый замок.

– Чтоб не выскочил, окаянный, – успокаивала она себя, спускаясь по лестнице.

Малярчук тем временем уныло уставился в телевизор, подобрав под себя ноги в шлепанцах. Безнадега. По ящику показывали передачу для первоклассников, но ему было всё равно. Да еще теснила новая китайская пижама. Кошка Моня по обыкновению пристроилась на коленях. К тому же жинка, как всегда, куда-то задевала пульт от телевизора. Ведь так спрячет, чага, ни за что не найдешь – полдня проищешь, и окажется где-нибудь под матрасом...

Жена Малярчука вышла из подъезда.

На тротуаре некто Люлипупенко, словно стая цыганок, охаживал соседа снизу Бодуненца, преподавателя математики в сантехническом лицее. Мариша в принципе корешилась с женой этого странноватого товарища, Ниной, но та на абстрактные вопросы о муже предпочитала отмалчиваться.

– Как здоровье? Мозги не давят на желудок? – продолжал Арнольд Люлипупенко обработку мужчины.

И тот-таки сдался – отдал заветные пятьдесят рублей.

«Вот оне, мужнины дружки: ни свет, ни заря, а уже шныряют по подворотням, – желчно подумала Мариша, – и отбирают последние крохи у людей».

\* \* \*

Всева же вспоминал, за что ему такое наказание. Было всё так. Как всегда...

Малярчук не спеша вышел из подъезда.

– Пойдем, промокнем горлышко, – восторженно замурлыкал Музян, известный в определенных кругах забулдыга в первом поколении.

– Ну что, архаровцы, заждались, затомились? – распростер объятия Всева-Всевышний.

– Еще бы, – сверкнул глазами Арнольд.

Собралась вся братва: Шуран Кисельков, Саша Квартет, Арнольд Люлипупенко, Лева Смолянский, старый пензер Малярчук, «капельмейстер» Музян. В общем, полный флешмоб.

После третьего стакана Малярчук сунул руку в карман, чтобы достать носовой платок и по традиции звучно высморкаться. Но платок выскользнул из ладони и стал падать прямо в грязь. Всева норовил подхватить его на лету, но тщетно. Зато в спине что-то хрустнуло.

– Ой, поясница, – застонал Малярчук и закаменел прямо на глазах изумленных соратников: ни взад ни вперед.

– Ты что удумал, симулянт? На тебе еще воду возить и возить.

– Ребята, не бросайте меня. Ребята! – заскулил Всева.

– Не кипишуй, кореш! Пацаны, докинем его до хаты – пусть отлежится малость, – объявил Квартет.

И Малярчука понесли, как чучело медведя, на спине у Сашка.

– Тяжелый, гад! Вишь, как отъелся, – сопели мужики.

Лифт, как назло, не работал. Матерясь на чем свет стоит и задевая темно-синим малярчуковским драпом побеленные стены, ребята кое-как доставили Всеву на седьмой этаж.

Доползли, впрочем, не все. По дороге потеряли Люлипупенко между четвертым и шестым этажом. Да и на фиг он нужен – только мешался под ногами.

У дверей квартиры Батумыч прекратил стонать и стал лихорадочно озираться по сторонам.

- Мужики, это же не моя квартира, не мой дом!
- Окстись, сердешный, ты ж из него вышел.
- Это я от свояка иду.
- Ты что, сом моржовый, чего раньше молчал!
- Был в отключке.
- Бросай его, и всё! – взревел Лева.

И тут Малярчук начал гнусно всех шантажировать. Вкрадчиво так:

– Шуран, ты, поди, не помнишь, как я тебя жинке на прошлой неделе не сдал. А тебя, Квартет, от мусорков спас. Левик, а ты мне пузырь должен. А ты, Арно – два. Музян, а я знаю, где ты заначки прячешь.

Ребята, конечно, опупели. Не думали, что Батумыч таким мелочным проявится. Шура Кисельков напряг мозги: да, было дело – тогда назюзюкался в зюю.

...Контрольная тренировка перед эстафетой на приз газеты «ПЛиВЗа» («Пермский ликеров и водок завод») проходила совместно со Степ Степычем и Пантелеичем, известными бойцами, точнее, с борцами с зеленым змием, прямо на кафедре нанотехнологий. В конце «сета» Пантелеич набрал по телефону Всеву, чтобы тот забрал бездыханное тело студента и отвез домой. Но предварительно Малярчук по-дружески заскочил к Симону Вехотко, отцу Насти, и обрисовал случившуюся ситуацию в самых радужных тонах. Из нее выходило, что Кисельков – геройский парень, не посрамил честь двора и фамилии. Естественно, Всева нагрязнул к тестю Киселькова не с пустыми руками. И тот, проникнувшись благородством, обещал прямое содействие: взял служебную машину и доставил Шурана тепленьким...

Квартет тоже потупился:

- Что было, то было!

Сашок прекрасно помнил ту не красящую его историю с ментами. Смалодушничал тогда, на автомате бросился наутек, хотя должен был разрулить дипломатическим путем...

– Догоняют, ...! – выругался Квартет. – Прямо прилипли, как свежие горчичники! Не могу от них оторваться, а ведь это дело чести!.. Всева, ты из волыны шмалять умеешь?

- Раньше не приходилось, – прокряхтел Малярчук.

Квартет вынул из кармана «Макарыч» и сунул в руку Батумычу:

- Направляешь ствол, нет, не на меня! На ихние шины и нажимаешь вот эту пипку.

Понял?

- Эге!.. Не получается.

- Постой, я с предохранителя не снял. Вот, теперь пали!

Малярчук начал лихорадочно нажимать на спусковой крючок. Как ни странно, но все пули достигли цели: «УАЗик», не снижая скорости, «свернул» в кювет.

- Эт ты, старе, даешь, Владимир Драчев, не иначе!

– Знаешь, Сашок, в тире в Горьковском саду иногда балуюсь исключительно из-за главного приза – плюшевого мишки, уж как Моня любит об него когти драть! – заскромничал Батумыч.

Словом, Малярчук реально всем помог, хотя это уже и подзабылось. Хорошо, что напомним. Как говорится: «Долг плутежом красен». Квартет дал отмашку:

- Прав, пензер, негоже добро забывать! Надо завершить начатое!

Пацаны закряхтели: надо так надо.

На отдельные воспоминания было потрачено немного – минуты три. Попутно выяснилось, что пропал Люлипупенко.

Что ж, придется тащить этого сома, Малярчука, дальше в соседний дом без Арно.

Лифт там тоже, естественно, не фурычил.

Но по дороге обратно подобрали Люлипупенко – вздремнул за мусоропроводом.

– Всё, на себе больше не потащу! – отрезал Квартет, утирая градом лившийся пот.

– А, давайте, его, как сайгака, на вертеле отфугуем, – хлопнул себя по лбу Кисельков.

– Точно! Вон, у Митяя-дворника и метла за дверью припрятана.

Продели древко сквозь пальто на груди и потащили дальше. Малярчук сверху. Как бы отдыхает. Ягуаром. Мордой, то бишь физией вниз.

Сначала вроде ничего. Всева даже всхрипнул на помеле, прижавшись к нему щекой. Но через пролет груз развернуло на сто восемьдесят градусов, и Батумыч брякнулся башкой о бетон.

Переладнили метлу на спину. Руки засунули в карманы, чтобы не свешивались. Опять ноги по полу волочатся! Какие-нибудь тесемки бы. Достали из Левиных ботинок шнурки. Привязали ими Всеву за ступни и кисти. Вот теперь надежно!.. Но. Но всё одно тяжело.

Несколько раз уронили ношу, и радости не было конца: получай по заслугам, хлопец!

После третьего марша Шура остановил ватагу:

– Так дело не пойдет, Всева головой о ступеньки запинается. Шляпа всё время слетает. Еще простудится, не к нам сказано. Нужны какие-то новации.

Парни наморщили лбы.

– Есть одна идеяка, – поцокал языком Музын. – Помню, у нас в разведке пленных на черенке лопаты носили «чемоданчиком», продев шанцевый инструмент между коленных сгибов и шей. Никакие завязки не нужны. И голова при теле.

– Это как?

– Покажу в динамике. А ну, садите Батумыча, на ступеньку. Колени пошире.

– Приехали что ли? – приподнял веки Всева.

– Ага, почти. Посмотри-ка, что у тебя там между ног болтается, – скомандовал Молик.

– Где? – выкатил глазенки Малярчук.

– Где-где? В Улан-Удэ. Ниже голову. Цоп! Ну вот, всё и готово, – с этими словами Музын споро продел черенок сквозь Малярчука. Нанизал, как курицу-гриль на шампур.

– Ловко замучено, ничего не скажешь, – пробасил Смолянский.

– Потерпи чуток, скоро дома будем, – успокоили Всеву пацаны и дружно покантовали дальше.

С шестого этажа между тем какая-то братва спускала вниз диван: то ли ворюги квартиру обнесли, то ли кто из местных переезжал. Между пятым и шестым этажами обе процессии встретились.

– Кыш с дороги! – начал метать икру здоровенный детина, таранивший переднюю часть дивана.

– Фильтруй базар, баклан! – злобно зыркнул Саша Квартет. – С авторитетом имеешь дело.

Детина в замешательстве оглянулся на мелкого.

– Для нас авторитет – это тот, кто платит деньги, – оскалил зубы мелкий. – А ну, в сторону, олени!

– Сам ты козерог, – поперхнулся от обиды Лева. – Вперед, мужики!

Та и другая тусовка поперла навстречу друг другу.

Наши опомнились только у чердачного люка.

– Откуда диван? – задал закономерный вопрос Шуран, обращаясь к Квартету.

Сашок недоуменно пожал плечами:

– Сам ума не приложу.

– Вставай давай! Че отлыниваешь, сачок, – это он Левику, который, оказывается, прикорнул калачиком на мягком.

– А где старый хмырькуале Малярчук?

Выяснилось – уже на улице. Те самые грузчики отбуксировали его вместо дивана из подъезда к машине.

Дама, которая переезжала, обалдело захлопала ресницами:

– Вы кого, алкаши, мне сватаете? Что за фуфло?

– Как что? Диван, как договаривались, – обиделся рослый детина.

– Где ты видел, чтобы у дивана была драповая обивка? Кроме того, с пролысиной, – больно ткнула она ногтем в Малярчуковское темя. – А я покупала неделю назад новый. На что намекаете, пошляки? Что на этой плешивой скрюченной развалине можно спать?!

Грузчики стали непонимающе переругиваться матерками: «Че вяжется не по делу?»

И тут объявляются наши бухоиды с мебелью.

Хошь не хошь, пришлось делать ченч. Диван на Батумыча. Чего только не происходит на почве алкогольного угара!

Ну, наконец, всё. Край. Вот он заветный седьмой этаж. Малярчука так укачало, что он видел трети сны...

Дверь открыла какая-то дама (жена, вроде, другая была, хотя... не поймешь их в боевой размалевке).

– Женщина, примите супруга законного свово.

– Мой супруг на кухне.

– Галя, кто там? – раздался в глубине квартиры густой баритон.

– Шут их знает, алкашня какая-то.

– Малярчуки?

– Здесь такие не живут.

– Сотая квартира.

– Нет, сто восьмая.

Перебор. Зря старались.

– Это ты, арифметик, считаешь только до шести, – цыкнул на Музына Левик.

– Еще два этажа вниз? Да лучше бросить его тут.

– Женщина, мы его вам оставим, а уж вы разбирайтесь с ним, как хотите.

– А я сейчас мужа позову.

– Не надо мужа. Вот мужа – не надо! – догадались други. И поволокли Малярчука вниз.

Легче, как-никак.

– Стоп! – крикнул Батумыч, чуть-чуть приоткрыв один глаз. – Моя дверь, приехали.

Прислонили задремавшего Всеву к дверному косяку.

– Ключ? – замычал Батумыч и ткнул пальцем на карман.

Вынули из кармана ключ.

– Тут уж я сам.

Всева взял его и вставил в замочную скважину. По-барски махнул рукой. Мол, свободны, люмпены.

– С тебя поляна! – метнул глазами молнию Квартет.

– Само собой.

Чертыхаясь на чем свет стоит, пацаны побрели во двор. Сорвал, стервец, общественное мероприятие...

Всева стал поворачивать ключ в замке. Тот, однако, не поддавался...

На следующий день Малярчук объявился на улице с многочисленными пластырями на лице – «кошка Моня». Потом сознался. Выяснилось: пока он шебуршал ключом в замке, выбежала с визгом какая-то деваха, сначала всего исцарапала, а затем до кучи облила ведром воды. Всё-таки перепутал, сомец, с бодуна квартиру. В первый-то раз правильно домахнули – родимую дверь не опознал. Потому как пешком он никогда домой не ходил. А с лифта и с лестницы – разные ракурсы.

Что поделаешь, все стареют, хотя и справедливо полагают, что старость – не радость.

## Спасти и обезвредить

...Но не только о тягостном домашнем заточении и его причинах думал Малярчук, в памяти его маниакально всплывал один и тот же эпизод с погоней в Альпах. Посему стоит вернуться обратно к событиям, которые описаны на первых страницах романа. Как, когда и почему очутился Малярчук в чужеземных горах? На отдыхе или на спецзадании? А если он решил повторить путь великого полководца Суворова?

Окунемся в прекрасное утро 1962 года, когда Всева совершил очередной рядовой подвиг, рядовой в многозвенчатой цепи аналогичных. В столь ранний час Малярчук терпеливо наслаждался видами Женевского озера с набережной Вильсон в ожидании открытия клерками дверей одного из многочисленных банков. По заданию Центра разведчик курировал швейцарские вклады мировых нуворишей с целью их возможного шантажа и обеспечения недостающих бюджетных средств для своей родины. Это официальная версия.

В действительности же Всева был занят пристройкой личных средств на депозиты в твердой валюте.

Пребывание Малярчука в сладких грезах предстоящего отдыха на Гуаме неожиданно прервал сноровистый невзрачный типок на велосипеде в личине зеленщика с корзиной петрушки и укропа, который стремительно вручил срочное послание разведчику от начальства в виде пучка приправы. Выследил, печенег!

Знать бы заранее расположение веточек (извините, содержание депеши) – лучше сразу оглушить связника ребром ладони, привязать к байку и зашвырнуть в воду. Нет тела – нет задания! Да, утренняя прохлада так расслабила тонкую поэтическую натуру Всевы, что он попросту банально лажанулся!

В расстроенных чувствах Малярчук вынул из кармана пачку «Мальборо», чтобы выкурить сигаретку и допустил очередную ошибку – чисто механически нажал фильтр-кнопку подтверждения посылки. Это финец: теперь не отвертишься!

Скрипя зубами, Батумыч приступил к расшифровке: стал последовательно отрывать один листочек укропа за другим.

В приказе сообщалось, что генерал Сидоревич, главный специалист по Ближнему Востоку, прибывший инкогнито под простой русской фамилией Прозоров в составе солисток «Большого театра» на недельный отдых балетной труппы в Куршевель, был арестован по подозрению в организации притона в гостинице. Что ж, бизнес, ничего личного. Но это у нас, в России. Тут же на него настучали в участок местные бюргеры, носители средневековой морали. Высшего офицерского чина взяли тепленьким. Однако он успел по водопроводной трубе отстучать сигнал «sos» и продублировать его поджогом торшера. Поэтому его ординарец, топтавшийся то под окном, то под дверью (а попросту подглядывавший в замочную скважину) сообщил о провале в Центр. Оттуда молниеносно протрубили аларм всем резидентам, но абсолютное большинство не ответило кроме «исполнительного» Малярчука и то, как видим, случайно.

Надлежало детальным образом проработать план. С картой, транспортиром, циркулем и секундомером.

Для собирания мыслей в кучку (обдумывания нюансов предстоящей операции) разведчик, потрусил на конспиративную квартиру. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось: явка тупо провалена. И уже тут же под шумок заселена какими-то коррумпированными чиновниками. А, скорее, даже жрицами любви тех же чиновников, но более высокопоставленных. Всеве они обрадовались: по внешнему виду состоятельный клиент. Ему – нет: взять с них было нечего, ночная выручка уже оприходована в кассу. Возникла потребность в поиске другого тихого пристанища для погружения в тонкости предстоящего экшна.

Официальных командировочных в валюте едва хватило бы на дешевую койку в хостеле (а тратить свои сбережения у Батумыча рука не поднималась). Но и там в самом грязном номере на 8 (восемь) коек в четыре яруса проживало равнозначное число португальских студентов, приехавших на летние каникулы. Нервирующий фактор. Быстрыми ударами подарочного экземпляра мачете Малярчук решил проблему. Однако позже выяснилось: это только первая партия поселенцев: буквально через несколько минут после расправы в комнату ввалилась следующая группа халявщиков (видимо, по мнению хозяев ночнушки предполагалось, что они за те же деньги будут с предыдущей оравой спать по очереди).

Как назло, мачете полностью затупился. Но не таков Всева, чтобы испугаться трудностей. Под видом ремонта сантехники он вызывал вновь прибывших португальцев поочередно в туалет. Приставив дуло пистолета к виску (патронов, к сожалению, не было – не выдали, посоветовали: «добудешь в бою») заставлял выпить по полной бутылке портвейна с горстью афродизиака. После этого студенты в порыве страсти бросались на стену, где их уже ждал заранее приготовленный оголенный электропровод. Итого шестнадцать. Всева аккуратно разделал туши пилкой для ногтей, упаковал в пластиковые мусорные мешки и выставил за дверь для горничной. Лишние свидетели не нужны. Горничную предполагалось обезвредить сразу после выполнения ею своей основной работы.

После короткого пятиминутного отдыха Малярчук пришел в себя и принялся к разработке сценария освобождения генерала. Подспудно в его голове свербила мысль: «Зря так-таки откликнулся на вызов, ведь даже в случае удачного исхода все шишки опять свалятся на меня, и надо было так опростоволоситься!»

Грамотно произведя расчеты, Всева выяснил: до места заточения генерала в Куршевеле всего сто сорок километров. В принципе недалеко, но на машине из-за пробок в тоннеле это часа три-четыре. За это время у задержанного выудят всю многолетнюю информацию.

Добираться на поезде? Долго и небезопасно! Срисуют... Эврика! Есть одна дерзкая мысль! Батумыч направился в городской авиаклуб. Там наметанный глаз сразу приметил двухместный прогулочный красавец-аэроплан. Но уже с пассажиром. Ничего, где двое, там и трое поместятся. Если как следует утрамбовать команду. Пообещав весомый куш пилоту (ага, держи карман шире!), Малярчук всего за сорок минут достиг цели – французского аэропорта. Но по приземлении из кабины вышел один: расстался с пилотом и туристом на предельной высоте и скорости с помощью ноги.

Теперь следующая задача: незаметно проникнуть в полицейский участок. Но до него еще ехать и ехать.

Недалеко от взлетной полосы располагалась площадка для парковки машин. Всева увидел, как одна дамочка вышла из крошечной машины («битла») и зашла в близлежащий бутик. То, что нужно! «На такую автокарактицу мало кто обратит внимание, – сообразил Батумыч. – Но прежде имеет смысл переодеться в чужую одежду и одновременно завладеть ключами зажигания».

Недолго думая, разведчик заскочил в лавку следом за мамзель. Та уже была в примерочной. Всева откинул шторы. Легкий щелчок по припудренному носику, и дама в прострации (отключке) и уже раздетая.

Жаль, некогда более плотно заняться географией тела.

Всева быстро напялил на себя женскую одежду, не побрезговав даже брюликами, попутно отоварил зазевавшегося владельца бутика в печень, сел в «карактицу» и буквально через несколько минут очутился в заданной точке. Полицейское логово приютилось на склоне крутой горы, рядом проходил подъемник (вероятно, чтобы паковать нарушителей прямо на трассе слалома или... или спускать с обрыва головой вниз).

Всева в экспроприированных обносках поднялся по крутым ступенькам и для начала пококотничал с жандармами на входе, чуть позже обездвигил их той же пилкой для ногтей,

после чего легко проник в святая святых – комнату допроса, где генерал с высунутым от усердия языком уже писал явку с повинной. Малярчука поразило вид пленного: тот сидел, ерзя на стуле, в спортивных ботинках, пристегнутых к горным лыжам, а те, в свою очередь, были прибиты гвоздями прямо к полу. То ли схомутали аккуратно на трассе, то ли метод допроса такой, до сих пор неизвестно!

Несколько отработанных бросков из арсенала самбо с болевыми приемами на рычаг локтя в положении лежа, и семь стражников французского порядка рядом приютились на полу со сломанными суставами. Без фальшивой гуманности вытащил их наружу, где слепил из всех один общий клубок, обмотав с разных направлений стальным канатом от подъемника. Затем коротким толчком спустил с горы по склону вниз: пуццай покатаются.

Дело почти сделано: генерал на свободе.

Высокий чин, очевидно, был в наркотическом угаре (вкололи какую-то хмельную бурдень для развязывания языка, но, не исключено, просто коньяк).

– Теперь в Центр, – выдохнул Всева.

Однако служивый несмотря на внешне выжатый вид засопровотивлялся: велико было желание отгулять оплаченный отпуск, оплаченный серьезной валютой, которую ему посулили супостаты за разглашение ценных сведений. Всева меж тем не стал церемониться со сварливым руководством: оглушил двухтомным протоколом и слегка придушил носовым платком.

Минуту спустя Батумыч переоделся в привычную одежду и, загрузив генерала в багажник, в приподнятом настроении отправился обратно в Швейцарию в надежде успеть на званый ужин в посольстве.

Малярчук даже на радостях подобрал немецкого туриста, голосовавшего на трассе. Ничто не предвещало осложнений, поскольку, как считал Всева, сработано было на высочайшем профессиональном уровне. Как же он ошибался! И... буквально через полчаса Всева заметил погоню (см. пролог).

– Скоттини! – грязно выругался Малярчук по-итальянски. – Не добил мадам в бутике, и вот результат.

... Что было дальше вы уже знаете...

Судьба же освобожденного из вражеских застенков генерала (чтобы не было лишних вопросов) сложилась следующим образом... Когда Всева с рюкзаком, «фаршированным» Сидоревичем, объявился в посольстве, была уже глубокая ночь, сам пресс-атташе находился на завершающем раут ауте. Всева достались лишь так, крошки с барского стола. Зная буйный характер «Старика», ему в посольстве сделали успокоительный летаргический укол и так, в сомнамбулическом состоянии, переправили в моторном отсеке воздушного лайнера в Геную, а далее траулером (прикопали генерала в улове рыбы) переправили в Россию на консервный завод, где извлекли в процессе первичной термической обработки на свет божий, а затем привели в надлежащий порядок. За все тяготы и «издевательства» (в основном, Малярчука) генерал Сидоревич был представлен к высокой правительственной награде и сразу после банкета отправлен на почетную пенсию.

## Чудесное возвращение

Но вернемся к нашим баран... «барахвостам».

Уже ровно неделя, как Батумыч исчез. После столь длительного отсутствия Малярчука, успокоившись и забыв прежние обиды, ребята задались вопросом, что же с ним, горемычным, приключилось?

И вот им, вернее, Смолянскому «повезло»: на пороге подъезда появилась Всевина супруга с хозяйственной сумкой.

– Где наш дражайший муженек? – елейным голосом спросил Лева.

– Что? И ваш тоже? – съязвила женщина.

– Это я, стал быть, фигурально, – осклабился Смолянский. – Так, где ваш муж?

Жена Малярчука зло бросила:

– Умер. Для вас! И не семафорь тут!

Эта весть так сразила Леву, что он не нашел ничего лучшего, как войти в глухой штопор...

...Но тревога оказалась ложной.

Вадик Дулепистый, которого на следующий день его начальница (жила в соседнем подъезде тоже на седьмом этаже) подрядила приладить уличную антенну и починить краны, совершенно случайно обнаружил на соседней лоджии Всеву, находящимся под домашним арестом.

Затем совместными усилиями пацаны во главе с закадычным другом Малярчука Вадиком дважды организовали его побег (см. «Деды в индиго», стр. 22, стр. 40).

И здесь уместен вопрос: как двенадцать лет назад скорешились Всева Малярчук и Вадик Дулепистый?

Вопрос не праздный, бытовой. Случилось это примерно так: однажды поздно вечером на лавочке возле подъезда у деревянного дома на Островского, в котором проживали родители, вальяжно восседал Вадик. Он только что дембельнулся из армии и с нетерпением поджидал с работы брата Додика, подрабатывавшего лаборантом на кафедре гражданского права в университете. Тот вернулся со службы двумя месяцами ранее (см. «Бодуненц forever», стр. 206).

Малярчук, вышедший из соседнего дома, в котором недавно обосновался со второй женой, подышать свежим воздухом, обратил внимание на бравого юношу: тот расположился на скамеечке, широко расставив ноги, лихо сдвинув берет и обнажив тельняшку, будто готовясь к очередному прыжку в неизвестность.

Всева увидел пристроившегося рядом с молодым человеком кота Василия Демьяновича, того, который постоянно подбивал когти к его любимой кошке Моне: мявгал у дверей, метил территорию и т. п.

– Брысь, полосатый! – зашипел Батумыч. – А то полосы в другую сторону ориентирую. Но, пошел!

Кот даже ухом не повел. Зато Вадик, не задумываясь, искусно выполнил тройное сальто. Малярчук недоуменно зашевелил бровями.

– Ты, морячок, меня, суть, неправильно понял зело. Это я адресовался не к тебе, а к рыжему коту.

– Тогда фильтруй предложения, дедок, прежде чем ляпнуть невпопад. И я тебе не морячок, а обитатель бескрайнего неба.

– Хорош, Додик, прикидываться? Раздражать общественность? Думаешь, стройбатовец, нацепил форму десантника и тебе все можно.

Вадик хотел выписать саечку за испуг (отвесить Всеве звонкого леца за спорадический прыжок), но Малярчук ловким движением заломил руку Дулепистого за спину.

– Откуда знаешь спецприемы, старче? – изумился Вадик, проведя контрзахват.

– Да так, по молодости джиу-джитсу баловался... во время работы на телеграфе, – смутился Малярчук. – О, вот и моя жинка шлепает. Прикроешь, Додя?

– Ты, дедусь, по всем понятиям, путаешь меня с моим единоутробным братом Давиком, близняком.

– Вот оно что! Мои экскузы! – смутился Малярчук. – Не знал, не ведал! Мы-то с твоим брательником не разлей вода. Поэтому я так по-панибратски и обратился к тебе. Он ведь тоже недавно из армии.

– Если вы с братом такие друганы, почему он ничего не рассказал про меня?

– Знаешь, сейчас припоминаю, рассказывал, причем многократно. Просто память у меня уже не та: «тут помню, тут – не помню»... Меня Всева зовут, – протянул ладонь Всева.

– Тогда меня – Вадик.

– Отметим встречу?

– Чего ж не отметить.

– Угощаю, – вынул бумажник Малярчук. – Айда в киоск за проставой.

Так познакомились Всева и Вадик.

Потом были еще встречи. Но особенно сблизил двух земляков случай, произошедший несколькими годами позже весной, когда родной брат Вадика Додик возвращался с корпоративной вечеринки к семье. Брат к тому времени уже успел жениться на молоденькой студентке юридического факультета.

...Вадик и Батумыч, привычно сидели на лавочке и неспешно потягивали из маленьких металлических стаканчиков трехзвездочный коньяк. Внимание обоих привлек шум, возникший возле гаражей.

Соседи увидели как, по воздуху красиво пролетел Додик и шлепнулся в лужу посередине автопроезда. Затем одновременно узрели, как толпа окружила молодого пацана.

– А ну, пошли разбираться! – вскипел Малярчук, – Это Раульчик с нашей улицы, ох, и ершистый парень, опять наскоблил приключений на свою голову.

Батумыч смело вступил в схватку. В рукопашке ему не было равных. Хотя сзади его всё-таки прилично огрели по кумполу бревном от деревянного забора. Малярчук зашатался. Тогда Вадик двумя прыжками настиг старого пензера, чтобы с почетом вынести с поля боя, а затем наказать обидчиков. По кумполу досталось и ему, правда, при этом бревно переломилось пополам. Неизвестно, чем бы закончилась потасовка, а, скорее, закончилась бы траурным маршем для хулиганствующей толпы, но тут дама, из-за которой и разгорелся весь сыр-бор, метнула в толпу невесть откуда появившуюся ручную гранату.

Этого было достаточно, чтобы вся кодла гопников стремительно испарилась в разные стороны (конкретнее, полегла на землю).

...Вадик похлопал Малярчука по плечу:

– Ты, старе, геройски пластался. От души! Если будешь еще участвовать в разборках, всегда зови меня!

\* \* \*

И вновь возвратимся к эпосе с лоджией.

Следует отметить, что и радикулит, и перелезание в чужую лоджию – это ловкая инсценировка, организованная Малярчуком, проверка пацанов, так сказать, на вшивость и лояльность.

## Тяжело в учении, легко в заточении

Нет, отнюдь не единожды Всева прозябал под арестом... Арестом во вражеских застенках! Не привыкать. В первый раз такая оказия приключилась в Алжире, сразу после распределения по странам в 1960.

После неряшливого исполнения задания контуженный взрывом гранаты Малярчук очутился в холодном вонючем зиндане: «военспеца» захватили в плен повстанцы из фронта национального освобождения и оставили в живых исключительно с последующей надеждой обменять «французика из Бордо» на группу муджахедов.

И вот тогда очень кстати пригодились уроки в разведшколе, где научили выживать в замкнутом пространстве. Для этого курсанта помещали в железную бочку, заливали в нее до краев машинное масло (иногда и олеум, который «на склад»), а затем, наглухо закупорив, спускали вниз с горы, но со специальным надувным поплавком, чтобы емкость не затонула в донном иле.

Когда испытательный снаряд падал в реку, и течение относило его на километр ниже, курсанты вылавливали плавсредство баграми и проводили разгерметизацию.

Предмет назывался «диогенология» в честь древнегреческого «мореплавателя».

Вопрос: как и чем дышали? Просто в школе научили замедлять сердечный ритм до одного удара в час (методика заимствована у йогов, реже нельзя – начиналось гниение). В таком режиме функционирования никакой кислород организму нужен. Однако в случае с Малярчуком приключилась досадная оплошность: поплавок оборвался, и бочка затерялась в водной пучине. Искали неделю. Тралом и водолазами... Обнаружили случайно механизаторы колхоза по соседству: ловили ночью рыбу динамитом. При взрыве бочка и всплыла. «Кверху брюхом». Думали, соляра. Но вместо нее выгрузили из тары бездыханного Всеву. Хотели прикопать труп в песок, но тут объявились курсанты, которые прочесывали окрестности в поисках очередного товарища. Увидев церемонию захоронения, военные наподдавали непонятливым трактористам по рогам и забрали Малярчука в лазарет, где его реанимировали, а потом возвратили в строй.

Следующий вопрос: как выжил в бочке Малярчук.

Просто он сделал сердцебиение еще реже – раз в сутки, а не загнил потому что проспиртовался, как мумия: хряпнул перед погружением штоф водки.

С тех пор Малярчук вообще не страдал клаустрофобией.

Поэтому в холодном каменном мешке Малярчук чувствовал себя как рыба в воде, в отличие от прочих военнопленных из иностранного легиона. Оправившись от взрывной волны, Всева подчинил своей воле всех остальных узников, а как только его повели на допрос, хладнокровно порвал конвоиров острозаточенными о каменистую стену передними зубами.

...Здесь же, на гражданке, в квартире совместного проживания, данные методы освобождения в отношении законной супруги были совершенно неприемлимы, поэтому оставалось уповать только на провидение.

## Вадик и старые соседи

Бышего десантника Вадика сослуживцы ценили за его добрый и веселый нрав. На стройке Вадик у ценителей не было. Ежели и упадет с верхотуры, то приземлится синхронно на обе ноги отряхнется и пойдет дальше как ни в чем не бывало. Если оборвется случайно со строп башенного крана бетонная панель потолочного перекрытия, то: а – при падении на голову Дулепистого лишь забьет его, как гвоздь, в почву; б – в панели образуется сквозное отверстие, которое легко замазывается алебастром. Хуже, если навернется сверху поддон с кирпичами – много боя, и тогда прораб вычтет из премии.

...Кроме братьев-двойняшек Вадика и Додика Малярчук из нынешней дворовой компании знал и других старых постояльцев с улицы Островского, к числу которых относился Рауль и Василий Демьянович. Последний жил в квартире через стенку, но с Малярчуком они не корешились из-за своих хвостатых питомцев, поскольку рыжий кот соседа нагло домогался Мони.

Что касается Рауля, щуплого парнишки, младшенького из семьи Комаровых, то к моменту переезда на Среднюю Ямскую он значительно вырос и возмужал. Но Всеву молодой человек то ли не узнавал, то ли делал вид. Да и Всева не было особой нужды для более близкого знакомства с ним.

Тем не менее оно состоялось в конце мая 2005 года.

Малярчук, которому жена Мариша в сотый раз запретила под страхом смерти появляться во дворе, мучительно размышлял, как бы ему прополоскать горло. Идея созрела внезапно.

...Рауль медленно спускался пешком по ступенькам с девятого этажа. При этом он пересчитывал оставшиеся в портмоне последние деньги от оплаченного заказа за услуги частного сыска.

Железная дверь в тамбуре на седьмом противно заскрипела, и из нее вынырнул нос Малярчука.

– Мои приветтики! Паренек, можно я попрошу тебя об одном одолжении. Уважь пенсионера! – заканючил Всева, протягивая смятые купюры. – Сходи в чипок за беленькой.

– Боюсь, пацаны не одобряют, – промямлил Рауль.

– Какие пацаны? – сдвинул брови Всева.

– Я имею в видимости вашу жену.

– Нашел тоже мне «пацанов»! – хохотнул Батумыч. – Ее часа два не будет, уткнула к подруге, – добавил он. – Да даже четыре, а, не исключено, до ночи там протрещат.

– Если так, тогда можно.

...Потом эти просьбы повторялись многократно, и однажды заметно подобревший Всева, опустошив прямо на лестничной клетке принесенную порцию алкоголя, растрогался:

– Ты, парень, заходи до мене, научу тебя некоторым житейским премудростям, в твоём деле они, ох, как пригодятся!

– В каком деле?

– Ты ж назвался детективом.

– Откуда знаете?

– Это мой профессиональный секрет.

– Заинтриговали, и чему вы способны меня научить?

...Во-первых, бывший кадровый разведчик Малярчук потренировал детектива, как обходиться в течение часа без дыхания, имитируя летальный исход; во-вторых, показал, как легко избавляться от пут, например, высвободить связанные за спиной руки; в-третьих, Батумыч знал в городе многих граждан, мог обрисовать их психологический портрет, а с некоторыми даже познакомиться; в-четвертых, преподал урок эффективного ухода от погони. Для этого Всева обычно брал такси, садился сзади за водителем и, пока ехал на нем до промежуточного адреса,

заказывал второе. При встречном появлении или обгоне пассажир быстро расплачивался с водителем (не всегда) и на ходу перепрыгивал во второе авто. При этом «хвост» либо не замечал исчезновения преследуемого, либо значительно отставал и после этого терял объект из виду.

...Мы покривим душой, если скажем, что всегда подобная операция проходила без сучка и задоринки. Часто, когда машины не могли приблизиться на достаточное расстояние друг к другу, Малярчуку приходилось выпрыгивать из салона прямо на дорогу, после чего либо пригнувшись, либо перекатом достигать следующей двери. При этом периодически он попадал под колеса других авто, или портил свою одежду в грязной луже.

...В этот раз перемещение «дверь в дверь» при обучении Рауля произошло успешно. Однако разъяренные преследователи, очевидно, тоже знали данный прием, поэтому круто развернулись и погнались за машиной с начинающим сыщиком и Малярчуком.

– Давай дворами, – приказал водителю Всева.

Машина заколесила по всяким закоулкам...

Но авто сзади не отставало.

– Переодевайся, – скомандовал Батумыч таксисту и для большей аргументации вытащил пистолет.

Мужчина послушно одел темно-синее драповое пальто Малярчука и его головной убор.

– Брюки не снимай, – остановил Всева шофера, решившего проявить инициативу. – У нас похожие. Так, а теперь выпрыгивай на ходу, а я отправлю тачку под откос и затем «катапультуюсь» сам.

– Я же еще не выплатил автокредит! – слезно застонал водитель.

– Тебя сейчас так и так пристрелят, поэтому запомни: ты ничего никому не должен, – успокоил бедолагу Батумыч.

– А мне что делать? – удручился Рауль, понимая, что в этом сценарии ему нет варианта, чтобы остаться в живых.

– Ты? Ты сидишь в машине, только пристегнись, авось, выживешь, когда машина упадет в овраг, – с ходу откликнулся Всева.

Но план Малярчука детектива как-то не вдохновил. Скажем прямо, совсем не вдохновил.

И Комаров, недолго думая, выскочил из машины вслед за неудачником-водителем: ему-то автокредит погашать не надо. Словом, отстреливался один Малярчук, и в этот раз счет был 3:3. Трое укукошенных незнакомцев на три пули в Батумыче.

– В подпольной больнице Всеву прооперировали, правда, без наркоза – он этого не любил. Зажило как на собаке, Всева знал народные заговоры – этому тоже обучали в разведшколе.

Рауль же навещал «учителя» после выписки дома с неизменными четвертинками.

В одно из таких посещений детектив обмолвился, что его главный клиент – вице-президент «Дуби-банка» Мигель Сабантуевич Голясов улетел в Монте-Карло в поисках своей биологической матери.

При словах об административной единице княжества Монако Малярчук несказанно оживился.

– Скинь своему знакомому эсэмэску, пусть зайдет там в бар «Twiga», передаст привет хозяину от меня, тогда его, во-первых, бесплатно напоят шампанским «Арман де Бриньяк»; во-вторых, помогут с поисками маман. Угощение этим напитком вообще должно войти в добрую российскую традицию, – патетически произнес Всева. – Особо для наших футболистов, получивших достойный гонорар, например, за проигрыш в чемпионате Европы! А что? Проигрыш тоже надо отмечать. Пусть хотя бы другие от души порадуется нашему поражению.

...В другой раз детектив наводил справки у Малярчука о некоем «Даве» (см. «Дефективное агентство "Руль"», стр. 264)... Как-то Малярчук дал зацепку Комарову в расследовании

безнадежного дела по ограблению инвалида из 45-й квартиры, указав возможного свидетеля, коей являлась фройлен Марина (так и стал называть ее про себя Рауль с подачи Малярчука). И однажды у Рауля возникла также необходимость проконсультироваться с Батумычем по поводу рэпа...

– Ах, «РЭП», слышал, слышал. Партия такая политическая возникла в Прикамье – «Рюриковская экстремальная партия».

– Вот те на! Я по простоте душевной полагал, что это молодежное музыкальное направление, выучил ворох ненужных речевок, потерял массу драгоценного времени, а вон оно как. Не могу себе простить!

– Постить? – слышалось сквозь волосяные заросли Малярчуку.

– Давайте, Всеволод Батумович, всё-таки прочистим ваши ушные каналы в «Ядреном корне», неже что вы, подобно мэтру сантехники Кофейне, воспринимали всё в несколько трансформированном свете. А потом месяцами дулись на бывших друзей. Из-за «недозвучания».

– Какой «корень»?! Если что, то эту процедуру доверяю только тебе, Раля, или на крайняк Вадику Дулепистому, доверяю выжечь их паяльной лампой... нет, лучше тебе, Вадик с его безумной силой способен опалить пламенем всю мою буйную головушку и при этом ничего не заметить.

– А жене?

– Ты что, смеешься? Жена орудует только ножницами и постоянно рискует проткнуть ими насквозь мой череп, как шампуром вальдшнепа, знаю я ейного брата. Ея я боюсь больше огня.

– Зачем вам тогда жена, если не доверяете ей?

– Законная супруга – это крест настоящего разведчика: каждый должен быть женатым человеком, иначе не отпустят за рубеж.

– Да не волнуйтесь, Всеволод Батумович, мы их вырвем специальными щипцами.

– Мне уже так делали в Гуантанамо, не хочу бередить душу воспоминаниями.

## Пересадка почки

Малярчук с напряженным выражением лица сидел на лавочке в одиночестве, устремив взор куда-то в небесную твердь.

– Рауль, братуха, дело у меня к тебе есть. Конфиденциальное.

– Что за замут? Опять в чипок сбегать?

– Нет, тут другое... Предлагают за хорошие деньги операцию сделать. По пересадке почки. Трансплантация чужих здоровых органов.

– А свою куда?

– Только выбросить. На свалку.

– Камни?

– Камней нет, но есть с десятков свинцовых пуль, полученных во время полицейской облавы в Нью-Йорке. Мы тогда сеть мексиканских наркодилеров накрыли совместно с ФБР. В Южном Бронксе. Вот была разборка, так разборка! Понесли немислимые потери. Обе стороны. Я заслони́л собой главу управления. И поплатился. Издырявили меня, как сито. Большинство пуль изъяли, но на почку денег не хватило. Сейчас на пенсии малехо поднакопил. Думаю, хватит эту тяжесть в себе носить! Чай, не молодой рысак!

– В чем же дело? Ложитесь в больничку на операцию. Или возраст уже не тот для такого испытания?

– Чувствую, что-то там нечисто. По слухам в 30-й клинической незаконно промышляют изъятием людских органов и их нелегальной торговлей. Поставят мне новую от какого-нибудь подопытного кролика, типа соседа с пятого этажа, Бодуненца, пообещают ему вырезать аппендицит, а вместо этого извлекут почку или даже печень, а потом в расход. Жалко зяму... Или, наоборот, сам стану донором, но сердца или достоинств, а они у меня еще ого-го!

– Что ж, попробую прояснить ситуацию и, если там криминал, то...

Через некоторое время Рауль повторно встретился с Малярчуком.

– Ваши опасения имели основания. Повязали голубчиков, вернее, постреляли... По поводу почки – предлагаю, для начала, сделать рентгенограмму внутренностей, а уж потом познакомлю вас с Гогуа Ревазовичем Гугидзе, профессором медакадемии.

В «Меддиагностике Плюс», в подвале через дорогу, просветили всё Всевино тело, нашли массу инородных предметов: пули, осколки, проглоченные в случае провала пузырьки и ампулы с цианистым калием (впопыхах не успевал их раскусить). Отросток аппендикса вообще был забит под завязку: тут и микросхемы, и бриллианты (на черный день). А вот печень, печень, как у младенца, и прекрасные сосуды. Растягивались как технологическая резинка от треников.

Ампулы Всева позже хирурга попросил удалить, теперь боевое прошлое окончательно почило в бозе, и о них можно забыть. Попутно Батумыч превратил Гугидзе в штатного агента.

## «Школьные годы чудесные»

Всева не торопясь прогуливался по пешеходной дорожке.

– Вы все Малярчуки такие? – поддел пенсионера Люлипупенко, сдувая невидимую пыль с его темно-синего пальто.

– Какие-такие? – насторожился Всева и мысленно просканировал последние денечки, не допустил ли он где-нибудь досадный прокол: «Почему он назвал фамилию во множественном числе? Знает моих детей? Но они под другой фамилией. Что-то тут не чисто!»

Вообще-то от рождения фамилия Малярчука звучала, как Авдониин. Родился он в деревне Адлеровка рядом с Малоярославцем в 1938 году. Поэтому в разведшколе преподаватели ему сначала присвоили позывной «МалЯр», в честь провинциального городка и склонности курсанта ретушировать свои слабые знания по предметам, а уже потом, на основании откровенно неутешительных результатов учебы, суффикс «чук» (звук по дереву идеально совпадающий с постукиванием по лбу Всева указкой преподавателей: «чук-чук-чук»): Малярчук. А вот после выпускных экзаменов, когда Всева, недовольный аттестатом, точнее, оценками в нем, отчего зависело распределение (или ты в старушке Европе прохлаждаешься в дорогих ресторанах и яхт-гольф-клубах, или в знойной Африке глотаешь песчаную пыль), и набросившийся поэтому на членов экзаменационной комиссии, показав при этом филигранное владение нунчаками изготовленным из березовых дров, он стал «Свирепым». Абсолютное большинство членов аттестационной комиссии тогда комиссовали на гражданку с серьезным диагнозом «плоскособие мозга». А Всева с «нетерпением» ждал черный континент.

Но каким ветром забросило в разведшколу-двушку Всева – это отдельный сюжет. И для начала нужно освежить ранние вехи биографии героя.

...С детства Всева нравились шпионские игры. Еще в школе он следил за проделками одноклассников (предполагаемых агентов влияния противника), проверял содержимое их карманов и портфелей на наличие запрещенных предметов. Не брезговал и экспроприацией продовольственных излишков и скудных финансовых вливаний от родителей.

К седьмому классу, оставшись на третий год, завел обширную агентуру среди учеников начальной школы. Как удавалось? Метод кнута и пряника: кому конфетку или бычок от папироски, а кому подзатыльник и кулак под нос.

Долгое время работая под прикрытием, прикрытием в лице классной руководительницы, Малярчук четко информировал ее обо всех настроениях в классе и проделках соучеников в школе, как то: подожженный сарай с запертым в нем завучем по учебно-воспитательной работе, алкогольное буйство трудовика с поеданием трутовиков со школьной березы, романы старшей пионервожатой одновременно с восьмиклассниками и директором, уборщицы с физруком, физрука с председателем родительского комитета, председателя с проверяющим из РОНО, проверяющего из РОНО с уборщицей и старшей пионервожатой. Круг замкнулся!

Именно его наставница, в прошлом неуловимая радистка-связной в Бостоне, а после войны схоронившаяся от мести американских спецслужб за передачу секретов атомных бомб в деревне, и дала рекомендательное письмо своему ученику в элитную разведшколу.

## Тяжело в разведшколе, легко на воле

Батумыч вновь с головой окунулся в свое прошлое.

Вместе с ним в разведшколу пытался поступить односельчанин Варфоломей. До сих пор многие местные старожилы считают, что Варфоломеевская ночь – это период начала созревания яблок, когда частные сады в темное время суток подвергались неслыханному опустошению командой означенного пацана. В восьмилетке все его считали просто прирожденным разведчиком: он подтягивался два раза на турнике с привязанным к ногам нетрезвым учителем по труду, ходил «брать языка» (рамку с сотами) на колхозную пасеку и ни разу не спалился, умел незаметно списывать у отличников домашку, при том, что они даже не догадывались (сейчас бы также незаметно списывал средства с банковских счетов), владел искусством подделки подписи классной руководительницы в дневнике. Поэтому отцу не было оснований лупцевать его солдатским ремнем за плохое поведение.

Его, также как и Батумыча, рекомендовала к поступлению классная руководительница, учитывая исключительные природные данные подопечного.

Однако камнем преткновения для отрока стал вступительный тест. Был такой ритуал посвящения в первокурсники, отбраковка неподходящих на ранних этапах «собеседования». Назывался он «химической обкаткой». Для этого отборочного тура приемная комиссия наполняла палатку слезоточивым газом, а затем запускала туда молодняк в средствах химической защиты (те, кто служил в химических войсках, поймет).

В принципе задание несложное, все абитуриенты его прошли.

– Усложним упражнение, – предлагал «председатель жюри», потирая руки. – Поместим, абитура, вас по двое в палатку с хлорпикрином, но без противогаса, попутно вы должны успеть перед тем, как совсем задохнетесь, подшить белый подворотничок на гимнастерку.

Хитрость заключалась в том, что удобней было подшивать прямо на напарнике.

Когда очередь подошла к Всеве с Варфоломеем, Батумыч в ядовитом облаке нашел «мудрое» решение: оглушил партнера кувалдой по голове и прильнул устами к его устам, осуществил искусственное дыхание, но в обратную сторону – выкачал из легких парня с помощью холотропного дыхания остатки кислорода. Отчего у того втянуло живот, щеки, и обозначился профиль ребер, а цвет кожи приобрел синеватый оттенок. Затем выполнил и вторую часть задачи наощупь, зажмурил глаза. По окончании подшивки победно выполз из палатки в гимнастерке партнера, а «мумифицированное» тело второго участника достали преподаватели.

Односельчанина отправили в формалине обратно домой, но родственники его не признали. Зато, он, внезапно оклемавшись на погосте и осознав коварство Авдонины, решил всю жизнь посвятить мщению Всеве за невоплощение своей юношеской мечты. Вот поэтому возвращаться в родную деревню Батумычу совершенно не хотелось: зачем лишние жертвы среди местного населения...

\* \* \*

На первом курсе училось много третье- и, особенно, второгодников – это те, кто срезался на каких-либо сессионных экстремальных испытаниях.

Невосполнимые потери вначале семестра вообще зашкаливали, причиной тому была невнимательность на уроках по спецпредметам, отвлекли на секунду, считай, упустил какой-нибудь важный нюанс, и тогда кранты (соотношение курсантов-выпускников к поступившим абитуриентам определялось, как сто к одному).

Чтобы не было претензий со стороны родственников на гражданке, курсанты писали записку о добровольном уходе из жизни с открытой датой. Страшновато, конечно, было сознавать бренность бытия, но всегда пересиливала романтика: на факультативе к тому же цитировались вслух страницы книг о радужной сытой жизни великих шпионов. И это звучало как музыка.

Малярчук в первый же день подружился с курсантом Коленко из Сибири. Тот сразу предложил:

– Будем держаться вместе. А тот тут понаслышке недетская дедовщина.

...Казармы, в которых жили будущие Штирлицы, размещались глубоко под землей, в бывшей угольной шахте. На шестиярусных лежаках из наспех сколоченных нестроганных досок воспитанники школы предавались узам Морфея после изнурительных многочасовых тренировок.

Всева располагался под самым потолком (не любил, если что-то капало сверху, особенно, если кого-то душил насморк или еще чего).

Спал он меньше всех, потому что до трех ночи занимался нелюбимым делом – стирке нижнего белья старшекурсников, в то время как пронырливый Коленко читал им на ночь романы Яна Флеминга «Казино "Рояль"» про шпионов на английском для возникновения радужных снов.

Сразу обнаружилось, что грязные портянки (а потом и носки) Батумыча обладают нервно-паралитическим эффектом, а свежестиранные отгоняют комаров, клопов, мух и даже привидения. Поэтому старшаки заставляли развешивать их между рядами. Сами же при этом спали раздетыми, но в противогазах (на всякий случай).

...Ниже, на пятом уровне, под Всевой перемогался курсант-отличник по исходному прозвищу из-за застенчивости «Мямля». По окончании же школы ему присвоили звучный позывной Мамлюк. За брутальность. Это качество он приобрел в постоянных ночных стычках с Малярчуком. Из-за тех же портянок. Которые свешивались частенько прямо над его благородным носом. Благодаря этим бескомпромиссным междусобойчикам он прошел в школе, как и Всева, огонь, воду и медные трубы. Но друзьями они не стали, впрочем, как и врагами.

Судьба соседа Батумыча до конца не известна и ждет своих исследователей.

## Субботник начинается в понедельник

В это осеннее утро мысленное погружение Всевы в далекое прошлое прервали автомобильные клаксоны, распугивавшие зазевавшихся мамаш с колясками.

Пока пацаны под грибком обсуждали последние утренние новости понедельника, во двор въехала кавалькада «Астон Мартинов» и «Ламборджини». За ними автобус. Из второго «Ламбо» вышел Ромуальд Амбидекстрович Кремов, профессиональный депутат, лидер фракции партии «Народная совесть».

Когда-то он тоже жил в этих домах, до перестройки, и знал всех персонально.

Вслед за ним из красного «Астона» показался авторитетный бизнесмен Саша Квартет. Выходит, это Ромик впряг его в свои затеи: стал натаскивать для дальнейшего продвижения в областную думу в качестве кандидата от своей партии.

– Все на месте, – облегченно вздохнул депутат.

Рома подозвал залакированным ногтем Люлипупенко с предложением организовать спонтанный субботник в прямом эфире.

Легкие на подъем постояльцы двора быстро согласились, хотя дело и закончилось банальным мордобоем с участием телевизионщиков (см. «Деды в индиго, стр. 51»).

Режиссер передачи рвал на себе от отчаяния волосы. Хотя таблоиды утверждают: отпиарили Кремова по максимуму. Да и рейтинг канала сильно вырос – всё-таки не примитивный столичный розыгрыш.

– Ну вот, теперь ты уже попал в городские кинохроники, – ликовал Кремов, приобняв Квартета за могучие плечи. – Первый шаг к популярности в народе. Запоминающееся туповатое квадратное лицо, не влезющее в экран. То что надо!

Остальная городская братва после репортажа, однако, сильно призадумалась: шустрый парень это Квартет! Никак в депутаты метит? Первенец. И если уж Сашок засветился на тиви, значит, всем пора выходить из подполья и легализовать свою деятельность. Становиться «избранниками народа» с их «поясом неприкосновенности».

## Паша

...Малярчуку, как тонкому психологу человеческих душ, интересно было наблюдать за пацанами. В принципе, безобидные ребята. Но ухо надо держать востро: вмиг расколот, если допустишь какую-нибудь даже самую малюсенькую оплошность. Трудно, конечно, прикидываться туповатым дедком. Но приходится. Постоянно. Вот и одежду приобрел для имиджа частично в секонд-хенде, частично на рынке. Темно-синее турецкое драповое пальто, специально сделал потертости слесарной шкуркой и приучил кошку Моню точить об него когти, чтобы нитки лезли. Женился на простушке Маришне, косил под заядлого любителя-выпивоху. Никого не доставал расспросами и сентенциями. Всегда давал в долг. Но понемногу, не как сосед с пятого этажа, Бодуненц. Знал меру: что с пенсионера возьмешь! Так, рубля три-четыре, от силы. За это и слыл всеобщим любимцем, уважаемым пензенером. Даже Вадик Дулепистый, отслуживший в войсках дяди Васи, огонь, а не мужик, снискал в Батумыче надежного товарища. Но риск разоблачения всё одно присутствовал.

Больше всего в качестве разоблачителя двуликого Януса стоило опасаться, естественно, Арнольда Люлипупенко: как-никак – бывший конструктор с КБ телефонного завода, там дураков не держали.

В подъезде еще проживает частный детектив Рауль Комаров, но он уже под бдительным контролем, правда, туповат зело. Потому с ним проще простого иметь дело. Парень безотказный.

...Батумыч пристроился на лавочку у подъезда, где после удачного депутатского шоу уже сидели Люлипупенко, Музян, Кисельков. Всева подсел Позже подошел Евсеич с мопсом. Квартет между тем отлучился к дяде. Вадик же побежал на почту за посылкой. И объявился Паша Серемагин, шлифовщик с завода. Отходит после евротора. Выиграл его совершенно случайно (см. «Деды в индиго», стр. 99). В руках Паша вертел квиток с начислениями по зарплате.

– Тупово! У меня уже шесть последних предупреждений. По пьяни. Но не уволят! Даже в кризис. Один на три цеха, – показал пять пальцев Серемагин...

Малярчук подумал про себя: «Этого енота надо обязательно завербовать. Ценный кадр. С хорошей перспективой. По зарубежью катается. Красавчик, таких женщины должны на руках носить. А через них можно и на крупную рыбу – их папиков выйти. Но где взять на него компромат? Не женат до сих пор. Одинокий волк. Ему «всё как с гуся вода». На компрометирующих снимках не заарканишь!» А вслух произнес:

– Пашуля, да кто ж такого молодецкого молодца уволит? Я хочу посмотреть тому в глаза!

«Пожалуй, лесь – это единственный метод, которым можно его зацепить», – продолжил размышления Всева.

– Не могу не согласиться, – расцвел Паша. – Что есть, то есть!

«Надо будет изучить, кто с ним плавал на яхте, как и каким образом», – пронеслось в уме у Батумыча.

Изучив список, полученный у Агнессы Тимиркановны, директора парфюмерного магазина «Флердюсель» эксклюзивного дистрибьютора одноименного бельгийского концерна (естественно за купюры), Всева сделал далеко идущие выводы.

«Сколько тут фемин! Обалдеть можно», – пустил слюну Малярчук, рассматривая фотографии топлес и «без» финалисток «Мисс Мира – 2008».

«А вот это, что за фигуристая дамочка под номером два? – задался вопросом Всева – Некая Клавдия Марлюхина. Погуглим, что про нее есть в тырнете... Та-а-ак, вышла в четвертый раз замуж; избранник сердца и наполнитель кошелька – известный голливудский продюсер. Годится! Добуду хоум-видео с предыдущими мужьями и дело в шляпе! Но придется попотеть: кого-то пустить на фарш, кого-то подкупить, у кого-то провести обыск с пристрастием».

Долго не было возможности реализовать задуманное, но однажды улучил-таки момент: на спор заставил Пашу проехать по перилам Камского моста на велобайке. Понятно, что Серемага этот спор выиграл, но по наводке Малярчука (как примерного общественника) угодил на пятнадцать суток в кутузку якобы за нарушение общественного порядка (удачный звонок Гургену).

Теперь оставалось лишь выудить будущего нового агента Клаудию Марлускони из Лос-Анджелеса, она осуществит вербовку Паши, и дело в шляпе.

Малярчук написал ей по электронке письмо как бы от Серемагина, мол, приезжай, жду, не дождусь. Твой Паоло. Та, само собой, ноги в руки, тело в самолет, три пересадки (но не почек), и уже в Перми. А тут ее поджидает Батумыч прямо в аэропорту (Вадик на своей тачке подобрал). И хоп в сторонку. Объясняет, что почем.

Клавка, конечно, заупиралась, но так, как и подобает, для виду. Помнит о фривольных кадрах. Сейчас, естественно, выдает себя за примерную домохозяйку...

– Задача ясна? – сдвинул брови Всева.

– Ясна! – выдохнула Марлюхина. – А я на что-то еще рассчитывала в отношениях с Пашкой.

– Рассчитывать – эта моя прерогатива, а твоя – пересчитывать полученные бабки и выполнять! Беспрекословно! – насупился Всева.

...Перенесемся на несколько дней вперед и на три квартала ниже. В автохозяйство краевой милиции. Здесь определено временное местонахождение шлифовщика Серемагина.

После «убедительного» инструктажа девушки ей ничего не оставалось, как реализовать коварный план Батумыча (см. «Бодуненц forever», стр. 104).

...Малярчук выловил Пашу у гастронома, когда тот на радостях от предложения участвовать в зарубежных кино съемках покупал беленькую.

– Что, парень, решил родину продать, за бочку гамбургеров и корзину нагетсов? – оговорил Серемагина прямым вопросом, что называется в лоб, Всева.

– Обижает, старый пензер! Мне они даром не нужны! Протри зенки: видишь, что я купил?

– Вижу: бухлятинки! Запить чужеземные яства.

– Какие-такие яства?

– Уходишь от ответа? Раз так, сыграем в «Камень, ножницы, бумага»<sup>1</sup> на интерес? Турнир выявит не только сильнейшего, но и раскроет правду!

– А давай! – зажегся страстный игрок и легкий на подъем Серемагин.

После серии сетов уверенно лидировал Батумыч. Хотя пару раз отработал свой промежуточный проигрыш кукареканьем с лоджии и беганьем голым вокруг дома.

– Что, Паша, вот тебе, как продувшей стороне, мое заключительное желание: будешь поставлять до мене нужную информацию.

– Вынужден! – обреченно согнул голову Серемагин. – Камненожничнобумажный долг – долг чести.

На этой тонкой комбинации и подцепил Пашу Малярчук... Отправил в Голливуд. А хорошо! Трейлеры новых фильмов и пиратские копии всегда в наличии. Четкий бизнес и подспорье для пенсионера.

---

<sup>1</sup> Эта была игра, в которой, как и в лапте, Всева не знал поражений.

## Водник

Но всё это будет чуть позже, а пока во дворе ребята оприходовали «гостинцы» Кримова после депутатского субботника.

Посидели нормально. Теперь нужно вести подготовку к вечернему «форуму».

Кто мог еще передвигаться (Малярчук с Витьком), собрали пустые бутылки и направились в киоск, чтобы сдать их.

Во двор тем временем въехал навороченный мобиль. «Порше Кайен» в махровом тюнинге.

– Разъездились эти «поршивцы», ни проехать ни пройти, – зло сплюнул Евсеич.

Малярчук наострил уши: «Ба! Да это хозяин ликеро-водки и большой друг мэра! И до сих пор не завербован? Непорядок. К тому же удобный случай: если что, мой ученик по айкидо, Витек, будет биться на моей стороне!»

И Всева подхватил Витька-Гагулька под белы ручки.

...По кромке тротуара балансировали Витек в обнимку с Малярчуком и пакетом пустых бутылок.

Гагулька слегка шатнуло (незаметно «помог» Всева) в сторону дороги, и он стукнул крыло «поршивца» своей ношей.

– Че ща будет? – притворно зажмурился Малярчук.

Действительно, из автомобиля тут же вывалился мэн.

– Эй вы, алкаши недоделанные, – взревел стриженный затылок, – кто мне заплатит за капремонт?!

– Он, – показал куда-то в небо Батумыч.

– Кто он? Всевышний что ли?!

– Тогда он, – перевел Малярчук (Всевышний) палец на Витька-Гагулька. И замер по стойке смирно, руки по швам. Знает устав, пенсионер!

– Это ты мое авто, чувыр... Витек – ты?!

– Саня? Водник?! Сколько лет! За одной партой. От гудка до гудка.

– Жив, курилка!!

И они трижды на глазах парализованного Батумыча обнялись по-братски.

– Тару собираешь? Молодец! Это правильно. Не бросай. Верный бизнес. Я вот так же, как ты сейчас. Квасил. Беспробудно. Неделями. Годами. Потом одномоментно сдал бутылки и... скупил «Газпром». С потрохами. Акции его тогда упали. А бутылки всегда в цене, соображаешь? Щас олигаршу по мере... Пойдешь ко мне коммер... нет-нет-нет, финансовым директором?

– Я ж не экономист.

– И не надо.

– Главное, пить очень много приходится, а у меня печень уже не та. Пока доведешь клиента до полного подписания контракта, так назюзишься. Тут надо смотреть в оба, иначе он доведет тебя, тогда – труба.

– Можно подумать?

– Не тороплю, но настаиваю.

– М-м-м...

– Всё еще у тебя впереди! – хлопнул по плечу Витька Водник. – Ты свою цистерну пока не допил. Вон и товарища своего возьмешь (в смысле Малярчука) – референтом.

– А что? Исполнительный дедок. Службу понял.

– У меня есть к вам один вопрос, – обратился к Воднику осмелевший Батумыч.

Он был слегка ошарашен фактом знакомства Витька с Саньком. Но, не ровен час, это даже и к лучшему.

– Валяй, референт!

– Разрешите с вами тет-а-тет перетолковать?

– Заползай, – кивнул Саня на соседнюю дверь. – Только покороче, время – деньги! И коврик не запачкай, пензельтон. Заставлю вымыть самолично.

Шустро забравшись на сиденье, Всева начал искусно «ангажировать» Саню:

– Нам доподлинно известно, господин Водник, как и на чем вы сколотили свой первоначальный стартовый капитал.

– Кому это нам? – надменно покосился Водник на Батумыча.

– Нам – это когорте профессиональных работников спецслужб.

– И на чем интересно? – презрительно скривился визави.

– На поддельных авизо, залоговых аукционах, стеклопосудном рэжете, бутлегерстве, подпольных казино, платных ватерклозетах на рынке.

– Да я тебя! – отвел руку для сокрушительного удара Саня.

– Спокуха, паря! Компромат на твою персону спрятан в надежном месте, как игла в яйце у Кашея. Будет обнародован сразу после моего «непонятного исчезновения». И копия бывшей жене Оксане. То-то она «возрадуется»! Еще вопросы?

– ...

– Работаешь на меня! – приказал Всева тоном, не терпящим возражений. – Твой, а теперь и... мой! завод, ликеро-водка – это серьезный объект стратегического назначения. Подпиши контракт в трех местах, а здесь оставишь отпечатки пальцев правой руки и образец слюны.

Водник, глотая слезы от досады, выполнил все указания старого пензера.

## Летун

После службы в воздушной десантуре Вадик Дулепистый приобрел несколько новых привычек. По росту он был первым, а, значит, всегда первым прыгал и с парашютом.

Демобилизовавшись вернулся в семью, в родную квартиру, к жене. И тут началось! Если, к примеру, по телевизору диктор скажет в новости о дипломатическом рауте: «Первый посол...», Вадик тут же бросался к окну и, кувыркаясь в воздухе, летел с девятого этажа. Иногда везло (когда приземлился в ванну с мусором, «предусмотрительно» оставленную дворником-среднеазиатом или, когда попал на раскрытый зонтик пешехода), иногда нет, особенно, когда оседлал торец оконного стекла, которое несли два работяги или когда приземлился на тот же зонтик, но только что закрытый. Спросите, как оставался невредимым? Очень просто: за первые полгода службы в дивизии «дяди Васи» командир отделения так натренировал нижнепоясничные органы рядового ежедневными пинками с разбега, что они стали чугунными.

И тогда уже после традиционной утренней процедуры, наоборот, очередной старослужащий, ковылял со сломанной ступней до медсанбата.

Неприятная движуха с Дулепистым происходила также во время поездок в общественном транспорте. При открывании дверей он делал бланш вперед с криком «ура!». Родители жены, узнав сей прискорбный факт, тут же приобрели ему подержанный автомобиль. Легче не стало: Вадик при распахнутой водительской двери с кульбитом вываливался на асфальт. Заварили ее, чтобы Дулепистый выбирался наружу только через кресло пассажира. Кроме того, обменялись жилплощадью с братом – сейчас Вадик с родней живет на втором этаже. Даже, если прыжки, то на газон. Ввели в семье жесткое табу на слова «посол» в любом контексте, а также «пошел», «пшел» и пинка под зад (чем раньше, до армии, сильно грешил тесть, особенно, если Вадик покупал «не его» кефир).

Для справки: тесть пристрастился к напитку во время работы в ресторане «Камские закаты» швейцаром (по нынешним временам «вышибалой»)...

## Прыжок в никуда

Кроме первой, основной, существует и вторая легенда о происхождении Батумыча. С первой она совпадает только по местности и фамилии (впрочем, у героя нашего повествования имеется еще ряд автобиографий, но ни одна из них не претендует на достоверность).

По этой версии Всева, простой деревенский паренек с Калужской области, изначально хотел стать сельским учителем русского языка. Но преподаватель по начальной военной подготовке в школе так залихватски рассказывал о прелестях офицерской армейской службы (бесплатный харч, одёжка, проезд, батраки-новобранцы, загульные командировки по стране, негав заброшенных Богом лесах: охота, грибы, рыбалка), что Малярчук сначала поступил в пехотное училище, а затем его, как отличника боевой и политической подготовки, по рекомендации начальника направили в трехмесячную разведшколу.

Там он в числе прочих предметов в совершенстве овладел техникой прыжков без парашюта.

На первом же занятии преподаватель заявил:

– Сначала потренируемся с крыши дома, а уж потом...

Стали учить летать с высотных объектов. В качестве полигона выбрали реальный объект – строящееся девятиэтажное новаторское здание общежития авиационного института. Планировалось, что учащиеся этого учебного заведения будут налетывать часы на «У-2», тот, судя по картине «Небесный тихоход», можно было запустить даже с заминированного болота, а уж с плоской крыши тем более. Для этого там оборудовали мини взлетно-посадочную полосу. Но самолетов пока не подвезли...

До этого было два часа теории. Инструктор учил, как нужно управлять собственным весом в интересах государства.

А что? Дело важное. Например, твое настоящее нетто 120 кг, а боксируешь в наилегчайшей категории. Все весы четко показывают 40 кг. Соперник бегаёт вокруг тебя, наносит комариные укусы, а ты его потом в углу зажал и сдал туловище легонько. А приятно, когда тебя бетонной плитой приложили?!

– Главное, включайте замедление! – напутствовал инструктор.

Малярчук сделал всё точно по методике. Но замедлить падение не получилось, и он со всего маху угодил в рулон стекловаты и в нем коротал всю ночь, пока тот (через два дня) не размотали для изоляции теплотрассы.

Кому-то повезло меньше – кореш Малярчука вошел головой в котел с кипящим гудроном (потом его отправили в Африку – там все такие), тезка – в незастывший бетон (на следующее утро застывший). Как выжил? – учили как не дышать в горячих точках (см. главу «Тяжело в учении, легко в заточении»). Еще один одноклассник – в поддон с кирпичами (на следующее утро ставшие кирпичной кладкой).

А всё почему? Инструктора отвлекли по рации, и он забыл проконтролировать усвояемость материала.

Госпитализировали всех.

– Такое частенько бывает, – пояснил инструктор, навестив курсантов в больнице.

Кстати, двое так и сгнули. Может, до сих пор маячат где-нибудь в стене или дымовой вентиляции.

## Тихая охота короля страха

Интуиция – это основное оружие разведчика.

К примеру, эпизод с «тихой охотой», когда все поддались сиюминутному искушению поехать напластать грибов с соседом из третьего подъезда, Васьком («Деды в индиго, стр. 112»).

– Ну что, братва, махнем за сыроегой? – кинул Люлипупенко клич среди своих, напросившись в компанию к шабру.

– Сейчас опята пошли. Люблю, я их, собак, пожарить! – промокнул слезу умиления Музян.

– А я – замариновать, – Кисельков.

– Буду сушить в духовке на зиму, – важно надул щеки Арнольд.

При этом Всева энергично поддержал коллектив.

– Сушеные грибы – это да! Во цимес! Смачняк отпадный! – подтвердил ветеран закуски Малярчук.

Но к удивлению дружков, сам не поехал: не было у него внутреннего доверия к Ваську – мутный какой-то типок. Пытался с ним как-то наладить профессиональный контакт, не поддавался ни на посулы, ни на угрозы, ни на уговоры. Устранить как свидетеля? Ложными опятами? Опасно! Весь на виду. А тогда рассекретят. Пусть лучше аннигилирует в этом мистическом месте, так называемых «Пузятах». Ребят жаль, но это их личный выбор.

Так оно и вышло. Пацаны потом долго не могли отойти от поездки.

– Ты правильно, Батумыч, сделал, что не поехал с нами, – похвалил пенсионера Люлипупенко, – как в воду смотрел. Страху натерпелись за то время. По самое не хочу!

«Не видишь ты людей, паря», – удовлетворенно подумал Малярчук.

## «Мы монтажники, не плотники, да!»

А тем временем Всевин мозг внезапно взорвался еще одним событием прошлого, тесно связанного с настоящим.

В дни очередной отсидки (Всева уже сбился с их счета), в этот раз в спецтюрьме американской базы Гуантанамо на Кубе в самом начале семидесятых Малярчук научился мастерски паять транзисторы и микросхемы. Там он бесплатно работал монтажником у «IBM», паял на коленке платы к компьютерам. Ручная работа, зато и качество соответствующее. Сам глава корпорации премией отметил его профессиональную работу. Прислал ящик «Кока Колы» и надкусанных секретаршами яблок (будущий символ «Apple»).

Правда, до Малярчука посылка не дошла, содержимое выпили и им же закусили охранники.

Обозленный на такую непраху, вояк и тропические ураганы Малярчук решил любой ценой бежать. С третьей попытки ему это удалось. Воспользовался природной хитростью: когда в очередной раз начальник гарнизона пригласил его поднастроить антенну, сбитую тропическим штормом, кои регулярно случались в этих местах, Всева прижег его пупок паяльником насквозь, а затем безвольного запоил до усмерти «Фантой» вместе с его женами и наложницами. После чего бросился в атлантические воды с куском поролона, вырванного из матраса того же персонажа. Течение подхватило Малярчука, и неожиданно фортуна улыбнулась ему: он прибил к международной экспедиции Тура Хеейрдала по пересечению Атлантики на папирусной лодке «Ра II». Здесь, на суденышке, он великолепно заменил одного из мореплавателей (тот после небольшой словесной перепалки пошел на дно, к акулам).

Вот и Барбадос, а там уже и до родины рукой подать.

По возвращении с кратковременного отдыха в подмосковном пансионате Звенигорода руководство Центра поручило Малярчуку организовать контакт с инопланетянами. Впрочем, он сам вызвался, хотел побыстрее забыть позорное пленение. Но в то время попытки такого рода заканчивались безрезультатно – давала знать недостаточная радиоэлементная база для налаживания приемопередатчиков: ионисторы были в сильном дефиците даже у спекулянтов на Одесском Привозе.

Между тем приключилась другая беда: за пресловутым Свирепым началась настоящая охота спецслужб многих стран: слишком большое число известных в узких кругах людей он отправил на чужой свет, а «IBM» потерял лучшего монтажника. И тогда «Старик» (уже другой, не Сидоревич) решил вывести его из игры, отправив на далекий Урал, в Пермь (истинные москвичи всегда путают ее с Пензой). Но Всева заупирался. Всеми рогами – он после подмосковного пансионата уже успешно встал в очередное задание в Мельбурне, а, главное, практически нащупал длину волны для связи с другими цивилизациями.

Начальству такое поведение, между прочим, шибко не понравилось.

## «Старик» и море разлитое

Для расстановок точек над «и» Всева высшим руководством была назначена встреча со «Стариком» на побережье в пустынном месте: один розоватый песок и океанские волны. Дикий австралийский пляж. Даже серфингистов шаром покати.

Всё предвещало драматический исход событий. Это Всева чувствовал поджелудкой. На всякий случай он закопал парочку гранат в почву, а тросики ведущие от чек намотал на клубок шерсти, который сунул себе в карман.

Ровно в двенадцать дня подъехал джип с генералом, одетым в цветастые шорты и гавайскую рубашку.

Подручные установили пляжный ассортимент: шезлонги, зонт, переносной холодильник с прохладительными и горячительными напитками, стереомагнитола, а потом тихо исчезли вместе с джипом.

По жесту генерала разведчики синхронно присели на лежаки в тень. Какие-то ангажированные хлопцы из прибрежной «сельвы» поднесли коллегам несколько кружек живого холодного пива. С хитрой экзотической закуской из свежих морских гадов.

– Здесь нас никто не увидит, – сделал губы уточкой, опрокинув две кружки пенного напитка, «Старик».

– Вам виднее, – потупился Всева.

Генерал не стал ходить вокруг да около, а поставил вопрос ребром:

– В общем, Свирепый, одно из двух: либо ты отправляешься на заслуженный отдых, на так называемую «социальную пенсию» в забытый Богом уголок страны, либо мы отправляем тебя разделанным на мелкие кусочки в качестве ужина к аллигаторам на местной ферме. Выбери!

На пенсию Батумычу совсем не хотелось, считал себя еще в полном расцвете сил, но к аллигаторам не хотелось еще больше. Лучший способ в этой ситуации: уйти по-английски, не прощаясь.

Всева краем глаза осмотрелся вокруг. В радиусе десяти метров он заметил торчащие из прибрежного песка несколько тростинок – дыхательные трубки замаскировавшихся командос. Похоже, они залегли тут с вечера.

Жаль ребят: кишечник переполнен, а демаскировать себя нельзя.

С другой стороны, это грозная сила: стоит генералу дважды топнуть ногой, и дюжина спецназовцев выскочит с автоматами наизготовку. Откроет пальбу. Качественное азу из Батумыча обеспечено. Это минус.

– Секунду!

Для проверки гипотезы Малярчук не спеша встал, приблизился к одной соломинке и демонстративно справил в нее мелкую нужду. Тростинка скукожилась тут же и одним спецурой стало меньше.

Вернувшись Малярчук прикинул возможные сценарии ухода с позиции и в результате сделал правильный выбор: внезапно с разбега заехал «Старику» недопитой кружкой в лоб. Тот скопытился на землю. А Всева шагнул в океан. Но предварительно активировал детонаторы гранат. Они создали пылешумовую завесу отходу разведчика. Пока то да се, Всева скрылся в волнах. Напрасно потом водолазы прочесывали дно, а рыболовецкий траулер тралил акваторию нейлоновым неводом. С противолодочного корабля в нейтральных водах для острастки обстреляли океанскую пучину несколькими залпами реактивных глубинных бомб. Никто не всплыл, кроме своих же зазевавшихся аквалангистов – не вовремя увлеклись подводной охотой в коралловых рифах.

Где же Всева?

Малярчук при погружении в бездну сориентировался на местности: есть решение! Он засунул руку – «живца» в нору мурены и с помощью нее выманил хозяйку владения, затем окучил подводным спецприемом (зубами в морду), после чего сам занял место хищницы в подземной пещерке. А разлагать воду на кислород он умел еще с разведшколы. Для этого противно скрежетал передними резцами, высекая искры и вырабатывая электрический ток.

«Старика» же унесли на носилках, погрузили в вертолет вместе с останками аквалангистов и выбросили в районе извержения действующего вулкана.

«Старика»-то за что?» – спросите вы.

Отвечу:

– Провалил операцию. Тоже без выбора.

После прекращения поисков, на следующий день, Малярчук выбрался на водную поверхность и тут же присоединился к «дальнобойщикам» по плаванию, решившим пересечь Тихий океан для увековечивания своих имен в «Книге рекордов Гинесса».

Постепенно Всева подтянулся к сопровождающему катеру, попросился на борт якобы из-за приступа морской болезни, а там последовательно истребил всю команду судей и матросни. Каково же было удивление спортсменов, когда катер внезапно повернул назад, а ведь там еда, алкоголь и каюта для полноценного сна!

В прессе сообщили о бесследной пропаже участников заплыва, списав все на девятибальный шторм. Рекорд же до сих пор не установлен и ждет своих победителей!

Всева же затихарился и надолго.

\* \* \*

Следующий «Старик» понял, что разговаривать с Малярчуком с позиции силы опасно и бессмысленно, поэтому после безрезультатных поисков строптивного сотрудника в значных местах и, лишь по чистой случайности вызвав у молдавских цыганок местонахождение Всева, пригласил его на встречу в дорогой ресторан.

После обильного возлияния началась задушевная беседа опытных разведчиков.

Генерал зашел издали: справился о здоровье, прокомментировал виды на урожай кукурузы в Якутии, показал свой кляссер с раритетными марками. Потом неожиданно, в упор, выпалил:

– Поступила жесткая директива о срочном выводе тебя из игры, дружище!

– Почему?! – набычился Батумыч.

– Слишком много проколов, Свирри, шина может лопнуть, – замысловато-иносказательно вымолвил Старик. – И не терпящим возражения тоном добавил, – Надо, Всева, надо! Вот тебе «Жиллет Слалом» перспективная зарубежная военная разработка для идеального бритья – появится в свободной продаже только лет через десять. Превращает мужчин в женщин, но не в том смысле, о котором ты подумал: всего лишь удаляет лишние волосы. Далее натянешь парик и экипируешься в женскую одежду.

– Теперь я что, «сбитый летчик»?! – негодовал Всева.

– Важно вовремя уйти. Но с почетом. Не жди, пока тебя уйдут другие. – металлическим голосом посоветовал Старик. – Больше таких ошибок, как на австралийском пляже, мы не допустим... Иди в туалетную комнату, перевоплотись...

– Вылитый Керенский! – хохотнул генерал, когда Малярчук появился в облике женщины. – Смотрю, ты мастер косплея.

– Вам смешно, а мне с этим жить, – опечалился Батумыч.

«Понятно, – решил про себя Всева, – звезд на всех не хватает, тем более я не из шпионской династии... Попробую освоить быт обычного человека».

Но не так-то просто выйти из любимой профессии, особенно, когда ей отдано столько лет. Про себя Малярчук решил, что будет продолжать свою подвижническую деятельность, но самостоятельно, без господдержки, уйдет, так сказать, в «свободное плавание». Главное – завершить то задание, задание всей жизни – выманить инопланетян на Землю, Мельбурн, черт с ним, перебьется!

\* \* \*

Малярчук прибыл в Пермь в 1975 году. Можно сказать, на этом и закончилась его боевая биография. Ни тебе скоростных погонь, громких заказных убийств, изощренных пыток подозреваемых и лично себя, тяжелых проникающих ранений. Но скучать и в данном случае не довелось. Бывших разведчиков не бывает.

## В ссылке

Первоначально Всева сильно претило его заточение в уральском городе. Нет, против архитектуры, климата и гражданского населения он ничего не имел (это ж не Гуантанамо). Но бездействие и томительное ожидание приглашения продолжить блистательную карьеру (сомнительную деятельность), а в душе он на это надеялся, сильно расшатывали стальные нервы.

Следует напомнить, что для конспирации в Перми, чтобы там его случайно никто не узнал, Малярчуку приказали трансформироваться в женщину.

Всева выполнил приказ, причем, как всегда, на «отлично». Достаточно указать, что в женском облике Малярчука не узнала даже его бывшая учительница, к которой Всева однажды, будучи в отпуске, наведася(лась) под видом социального(ой) работника(цы).

Профессиональная маскировка – это фирменный конек Батумыча!

...По приезду в областной центр на казенные деньги Малярчук снял частный одноэтажный дом на Висиме с приусадебным участком, прикупил барахлишка и занялся последним любимым хобби – пайкой полупроводниковых устройств. Но это вечером и в выходные. А для прикрытия Батумыч пристроился на работу в качестве преподавателя вышивки крестиком в швейное училище № 94 на Обвинской.

Выбору гражданской профессии – повар, врач или швея – предшествовало несколько бессонных ночей, за которые Всева уверенно освоил правила работы на швейной машинке. В совершенстве овладел оверлоком. Попутно научился вязанию и штопанию носков на электролампочке (бюджет списанного на берег разведчика не предполагал постоянного обновления экипировки). Для пополнения гардероба он сам по лекалам из журнала «Работница и Крестьянка» сшил себе и нижнее белье, и юбки, и блузки, связал теплую кофту с потайными карманами для разнообразного оружия.

...Училище, в которое поступил Малярчук под псевдонимом Малярина Батумовна, было весьма специфическое: основной контингент – девицы легкого поведения, которых поэтому и готовили для легкой промышленности. Все они были членами различных неформальных молодежных группировок с городских окраин.

Кроме того, среди учащихся попадалось и немножко деревенских. В такой среде Всева чувствовал себя как рыба в воде.

Малярчук сразу отказался от обязательного присутствия двух милиционеров на занятиях. И это вызвало к нему общее уважение.

Но и тем не менее: сначала сестерва хотела устроить в отношении новенькой училки банальный буллинг: попробовать, так сказать, на зуб. Не тут-то было!

Батумыч рьяно взялся, подобно профессору Хиггинсу в пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион», за воспитание девиц-оторв хорошим манерам.

Богатый жизненный опыт и учеба в разведшколе дали свои результаты. Всева устраивал непокорным жесткие разборки в женском туалете. Подальше от начальственных очей. Особо задиристых особей он быстро переформатировал физическими замечаниями. Не помогли и их связи с криминальными авторитетами на районе. После нескольких применений тактики восточных единоборств они (шишкари на районе) ходили вокруг училища ежедневно десять кругов строем с пионерским барабаном и горном, горланя речевку: «Я, ты, он, она, вместе – целая страна»<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> Позднее эта незамысловатая тема стала шлягером в исполнении Софии Ротару на Олимпиаде-80.

С подачи Малярчука в училище (позже лицей) потянулась и золотая молодежь, в том числе и мужского пола: будущие Зайцевы, Юдашкины, Алены Ахмадуллины и Киры Пластинины.

А сколько прекрасных юных личиков и фигурок лицезрел Всева, будущих звезд мирового подиума.

... Жаль только, что общение с женским полом для Батумыча свелось лишь к перемигиванию и кружке бочкового пива во время работы.

Директором учебного заведения являлась Матильда Амвроисевна Печка. С виду интеллигентная женщина, но не дай бог попасть ей под горячую руку, отгаскала бы за волосы любого. В порыве откровения мадам показывала воспитуемым татуировку на плече в виде лилии (взяла образец из «Трех мушкетеров» у миледи). И все понимали: пощады не будет.

Товарищ Печка передвигалась по коридорам с двумя охранниками-мордворотами. Ходили слухи, что этих быков ей предоставил местный вор в законе.

Весь преподавательский состав до ужаса боялся конфликтов с руководительницей, беспрекословно выполнял все ее приказания. Однако с Малярчуком «тетушке Мати» было не совладать. Авторитет новой преподавательницы рос не по дням а по часам. Сколько было сломано копьев, реализовано интриг, подстав, «темных» и всё... мимо!

Так шли дни, месяцы, годы.

– Подсидит, стерва! – часто задумывалась о своей незавидной участи директор, в сотый раз прикладываясь к бутылке «Старопермской»...

## Законный отпуск

Напрасным было бы думать, что Малярчук просто прохладился во время законного отпуска в училище (а он был почти два месяца), увлекался какой-нибудь заурядной рыбной ловлей и т. п., нет! он в порядке личной инициативы инкогнито участвовал в секретных операциях (но не приведи Господь, чтобы разведначальство узнало об этом!). Так в 76-м он тайно полетел на Каилау-Кона на Гавайский архипелаг, где готовят лучший в мире кофе. Вдоволь побаловаться напитком. А заодно и разведать тамошнюю обстановку. Но случилось непредвиденное: самолет по погодным условиям круто изменил курс.

«Что делать, что делать? – лихорадочно размышлял Малярчук. – Взять заложников? Но это засветка и международный скандал!»

Ходу его мысли сильно мешали окружающие плотным кольцом пассажиры: сзади выставились из-под сиденья чьи-то длинные ноги; два качка рядом зажали туловище Всева накаченными локтями; спереди тоже не лучше – какое-то мурло разложило кресло, и потная лысина уперлась прямо Батумычу в нос. Всева, не будь дураком, слегка засандалил по ней молоточком...

Торчащие ноги – еще проще – отпилил кухонной пилкой – всё равно хозяин спал. Но и на этом Малярчук не успокоился, а по привычке снял носки для релакса.

Первыми отключились два амбала рядом. Потом стюардессы. Потом остальные пассажиры. Наконец, запах проник в кабину управления. Пилоты вошли в ступор, а самолет в штопор; авиасудно начало выделять немислимые пилотажные трюки. Тогда Всеву озарило: «Есть выход!» Он пробрался в кабину, сел за штурвал и посадил-таки самолет на нужном аэродроме. И это в условиях лютого шторма!

Спустя пару дней Малярчук лежал под развесистым зонтиком в шезлонге на океанском пляже и, попивая через трубочку-зонтик сильно охлажденный коктейль «Двойной тропикано», лениво перелистывая блокнот.

«Так, на сегодня восемь свиданий с крошками. Ооо! Через двадцать минут первое. Часа для встречи, пожалуй, будет маловато. Ничего, если бегом, километров тридцать-тридцать пять в час, успею», – размышлял Малярчук. При этом он инстинктивно достал из плавков рулон долларов – средства для покупки подарков (стекляруса, бижутерии, бутылки дешевого мартини местной бодяжной фабрики). На всякий случай пощупал также зашитую в тесемке бикини ампулу с ядом. Цела. Берёт не для себя: вдруг придется убрать беби, если начнет качать права. Не обещать же на ней жениться!

Сверток с валютой не вызывал должного благоговения: за два дня он заметно уменьшился в диаметре. Всем кралям на цветы и подарки не хватит.

Всева осмотрелся. Его внимание привлекла пожилая сильно напудренная мадам в шляпе и черных очках. Из всего тела выделялся ярко-красный купальник. Она томно лежала на боку. Вокруг нее пританцовывая тусил местный жиголо лет восемнадцати. Туземец. На полном пансионе, так сказать. «Работничек из чашки ложкой», – завистливо подумал Всева.

Краем уха до Малярчука донеслось: мадам послала туземца за виски с содовой в лавку. Со стодолларовой купюрой.

Есть идея! Всева быстро сориентировался на местности. Дорожка от пляжа пролегла через заросли тропических растений. А это шанс. Малярчук живенько снялся с места и дунул параллельным курсом. В зарослях он одним прыжком догнал местного мачо и отправил его в глубокий нокаут. «Теперь с финансами получше, – залыбился Малярчук, пересчитывая добычу. – Завалю еще парочку аналогичных аборигенов, вообще будет чудненько».

Предаваясь подсчетам выручки, Всева краем глаза обратил внимание на стройного загорелого мужчину. «Ба! Да это же Джеймс! Джеймс Бонд. Агент 007. Собственной персоной. Ста-

рый приятель». В компании дюжины фигуристых блондинок прославленный британец отрывался после удачной операции.

– Разрешение на его нейтрализацию будет? – задал вопрос Малярчук крабу-отшельнику, на клешню которого был прикреплен миниатюрный браслет-микрофон.

Краб активно зашевелил усами-антеннами:

– Нет, есть межправительственное соглашение. К тому же он подрабатывает на монгольскую разведку.

Вообще говоря, Всева с Бондом многократно пересекались по работе, причем не всегда играли на одной стороне поля.

– Хелло, май фрейнд! – сделал фальшивую улыбку до ушей Малярчук и помахал ладонью Бонду.

– О, май гарбл, Всеуворлд Бэдумыч!

Завистливо глядя на окружение знакомого, Малярчук ожидаемо произнес:

– Джеймс, давай перекинемся партейкой в бридж.

– Лучше в классики, – откликнулся Бонд, понимая, что неминуемо проиграет в карты всё свое годовое жалование. – Распишем «пульку», вон там на покрытии теннисного корта. Малярчук понял, что Бонд откуда-то узнал о его травме колена, полученной во время чемпионата мира по футболу, когда Всева играл в качестве форварда в составе сборной Бразилии (это двумя неделями ранее).

– Фейково, – скукислся Всева.

– Тогда в лапту?

– Уговорил, – тут же согласился Батумыч, выросший на лапте и на лапше (естественно, домашней) в деревне.

– ОК.

– У тебя в Англии первенец? – показал осведомленность в вопросах личной жизни Всевы Бонд, жонглируя битой.

– В старушке? Да... пока один. Назову его в честь друга: Гарри.

– Каспарова?

– Нет.

– Бальди?

– Н-н-н.

– Купера?

– Мимо.

– Трумэна?

– «Холодно».

– Принца, который в проекте??

– Теплее... Другого. Ты его не знаешь (ага, сдал я тебе своего агента!).

– А фамилию свою оставишь?

– Вряд ли, скорее, матери, не стоит себя засвечивать.

– Поздравляю! А всё же?

Не ответить на вопрос друга было бы бестактно, не комильфо. Батумыч пожал протянутую потную руку Джеймса (нервный гипергидроз), вытер свою ладонь о леопардовый купальник одной из жгучих красоток, и тут же на ум пришла выдуманная фамилия «Поттник», «Поттсон», «Потс»... После секундного замешательства Малярчук выдал: «Гарри Поттер». «Помоему, звучит неплохо!» – беззвучно воскликнул Батумыч.

...Кроме жалования агента-семерки Всева выиграл и его плавки.

Джеймс стоял, стыдливо прикрывая свое имущество обеими руками.

– Девчонки теперь мои? – утвердительно спросил Малярчук.

– Мы же еще на них не играли! – обиженно всплакнул Джеймс.

– Теперь это уже лишнее... Ему теперь не до вас, – пояснил он моделям на чистом английском. – Прошу в мои апартаменты.

Но для начала Всева провел ревизию всем своим средствам. Неплохо. Примеряя тут же на виду у всех плавки «приятеля», Всева обнаружил припрятанное в них кольцо с бриллиантом. Приятный довесок!

...Что касается Джеймса, то ему ничего не оставалось как месяц в порту разгружать контейнеры, чтобы насобирать денег на «звонок другу».

...Малярчук же широким взмахом рук сграбастал девчонок в охапку и двинулся в сторону бунгало.

Но его любовному триумфу не суждено было сбыться, так как из двух невесть откуда взявшихся джипов в направлении Всевы, расстегивая на ходу кобуры, бежали местные полицейские.

«Донесла пляжная кошелка!» – пронеслось в голове у Батумыча, и он лихорадочно огляделся по сторонам.

Отступать было некуда, поэтому для начала Всева прикрылся торсом Джеймса и бедрами пары девиц. Затем, во время перезарядки «Магнумов» полицейских, Малярчук сделал дерзкую вылазку, в результате чего четверо копов навсегда остались лежать ничком на розовом вулканическом песке. Остальные, чтобы их не постигла печальная участь товарищей, бросились враспынную, спрятались в глубине кустов и там стали дожидаться вертолетов с подмогой.

Всева, однако, задерживаться на месте в предвкушении славной бойни не стал. Он направился к океану.

– Доиграем позже, в другое время и в другой стране, – бросил на прощание Малярчук Бонду и исчез в прибрежных волнах.

– Ихтиандр! – восхитился другом раненный в трех местах английский разведчик – он, к тому же был неистовым фанатом русского фантаста Александра Беляева.

...Да, подобных отпускных приключений у Малярчука было слишком много.

## Красная кнопка

Однажды Всева загорелся идеей побывать нелегально наблюдателем на совместных учениях НАТО и России. Проводились они в Белоруссии. Малярчук на перекладных пробрался в Минск.

Остановился на постой в заштатной гостинице с номером на двоих.

«Если что, удавлю!» – решил Батумыч заранее судьбу соседа. Особенно, ежели тот будет храпеть ночью.

Каково же было удивление Всевы, когда выяснилось, что сосед – женщина, офицер штаба Североатлантического блока. Прибыла в качестве наблюдателя за Российскими учениями сухопутных сил на Белорусском полигоне.

«Подстава! – понял Малярчук. – Тогда упою!»

– Какими ветрами к нам? – изобразил Батумыч фальшивое радушие по-английски, доставая из внутреннего кармана пальто бутылку дешевого портвейна.

– Прибыла для мониторинга на учения сил быстрого реагирования.

– Ну что, разговеемся на ночь глядя, – предложил Всева присмотревший в туалетной комнате стакан для полоскания горла.

– Дама-офицер сделала ответный жест вежливости: достала из армейского чемоданчика (в таких обычно хранится ядерная кнопка для запуска стратегических ракет) целую батарею драй джина. Затем выудила из кармана бушлата гранату.

– Не вздумай! – засопrotивлялся расставанию с жизнью Всева уже по-русски.

– Не бойсь, рузске мьюжик! Этта муляж.

Действительно, «граната» на самом деле представляла собой ввинченные один в другой стаканчики.

– Зау встречу! – произнесла американка и одним махом опрокинула сто миллилитров. Занюхала рукавом.

Малярчук не отстал.

Так они просидели до утра.

– Чьё-тоу ньи в одной глазу, – сказала дама-офицер (далее по-английски с переводом). – Пойдем к моему коллеге в соседнем номере. У него такой же чемоданчик. Но с кнопкой.

Азартный Малярчук сразу согласился.

После обильных возлияний Всева предложил американцу, держателю чемоданчика с красной кнопкой:

– А покажь устройство девайса!

– Да, на!

– Дай, я нажму.

– Нет, я!

... Через неделю в Белом доме в вечернее время в присутствии главного военачальника, той самой женщины-офицера и ее коллеги из соседнего номера президент страны открыл чемоданчик. В нем поблескивали квадратные зеленые бутылки с джином.

– Где пульт?! – остолбенел глава государства.

– Мы сделали несколько похожих чемоданчиков, вероятно, один из них у какого-нибудь штабного офицера, – пролепетал хранитель красной кнопки, сидя на глазах.

– Вдруг он воспользуется им? Захочет поиграться. Срочно разыскать!!! – рявкнул главный военачальник.

– Слушаюсь! – моментально протрезвела женщина-офицер, не просыхавшая ни разу после Минска.

«Поздно пить "Бордо"», – мысленно ответил Всева.

## Долгожданная пенсия

Перед самым пенсионным возрастом, а Всева имел левые метрики, которые ему приписывали дату рождения на тринадцать лет раньше взаправдашней, над Малярчуком сгустились тучи.

Выяснилось, что одна из двоечниц-третьегодок, которой только исполнилось восемнадцать, родила непосредственно при участии Малярчука (с ее слов, «но как получилось физиологически, не понимает») девочку.

Видимо, под влиянием каких-то сверхъестественных необъяснимых факторов... Дала ей звучное имя Веселина Батумовна Маляревич.

Вот тогда «Товарищ Печка с ручкой» поняла, что наступил ее звездный час.

«Скорее всего, эта злыдня провела подпольную операцию по смене пола и овладел(а) – таки бесшабашной девчонкой», – рассуждала она.

Директор вместе с бодигардами бросились на поиски злоумышленницы(ка), при этом в первую очередь, забежали в дамскую комнату, но застали там лишь одного тщедушного старичка с клюкой, ситцевым узелком и настезь раскрытое окно.

– Вы тут рыжую дамочку<sup>3</sup> не видали? – обратилась Матильда Амвросиевна к дедку.

– Выпрыгнула в окно и скрылась за углом, – указал скрипучим голосом направление движения беглянки тот. – Внучку здесь дожидаюся, гостинцы с деревни привез: баранки любимые и леденцы «монпасье».

Директор вместе с амбалами, чтобы не терять драгоценного времени, также сиганули со второго этажа прямо на улицу. А Малярчук («тщедушный старичок» – это был именно он) преспокойно вышел из дамской комнаты и направился к официальному парадному выходу. Его миссия была успешно выполнена, и дальнейший путь лежал в «СОбес» для оформления соответствующих документов...

Следует отметить, что где бы Малярчук не находился: в служебной командировке, на отдыхе, в застенках, он всегда оставлял о себе память в виде внебрачных (статус разведчика не позволял официоза) детей, причем их метрики хранились у него в базе сначала в тетрадке, потом на перфокартах, потом на магнитной пленке, потом на лазерных дисках, а сейчас на одной флешке, и всем он помогал по жизни со своих безымянных счетов в швейцарских банках (см. главу «Спасти и обезвредить»).

Люди верили в чудо, когда вдруг им доставалась «ничейная» квартира, в пятая вода на киселе дядино наследство, или «обнаруживалось» миллионное завещание от скоропостижно отбросившего коньки богатого родственника в Москве (Санкт-Петербурге, Швейцарии, Египте, США), или срывали джекпот на случайно выданный на сдачу к бутылке бормотухи лотерейный билет, или крупный выигрыш у бригады наперсточников на рынке, или они при ремонте обрушившегося потолка в бараче находили старинный клад в стене, или становились лауреатом песенного конкурса «Голос Камбоджи».

\* \* \*

К слову, при выходе на пенсию по старости Всева нарушил обет безбрачия. Женился раз, потом другой, как бы наверстывая упущенные возможности. Наконец, третий. Окончательный выбор пал на некую Марию, известную нам под ласковым именем Маришня.

---

<sup>3</sup> В последнее время Малярчук красил волосы в огненно-рыжий цвет бихроматом калия.

– Ниче у тебя бабенка, справная! Как ее по батюшке? – завистливо вздохнул, облизывая губы, старый ловелас-сердцеед Музян.

– Шавермовна.

– Мария Шавермовна? А что? Звучит неплохо!

– И где ты такую ядреную фемину откопал? – задал резонный вопрос Евсеич.

– В общепите, – сфальшивил Малярчук. – Сразила меня своим кулинарным искусством. Ты знаешь, я ведь очень изыскан в вопросах домашней еды. А тут всякие разносолы, пироги, консервация.

## Нлоитяне

Описывая будни бывшего разведчика на Пермской земле, не будем забывать, что не одной лишь темой воспитания трудных подростков занимался Малярчук.

Задыхаясь в социальном болоте гражданской жизни, Всева робко предлагал Центру продолжить внеурочную работу по налаживанию внеземных контактов. Он прекрасно знал: до него попытки такого рода оканчивались неудачей: число пропавших без вести секретных дел мастеров исчислялось сотнями. Но в руководстве к его обращению отнеслись скептически.

Тем не менее Батумыч вознамерился не отступить от поставленной цели.

Однажды на городской свалке при встрече со связником, передавшим от «благодарного» руководства скромное денежное пособие ветерана и очередную памятную медаль, он обнаружил среди бытовых отходов старенький транзисторный приемник «Альпинист». Стоит ли говорить, что переделать его в современный диагностический комплекс для Малярчука (после его-то работы на «IBM»!) не составило большого труда. На вещевом рынке из-под полы он приобрел дефицитные интеловские микросхемы, да тот же ионистор! И вуаля: космический передатчик на сверхкороткие длины волн с особой фазомазочастотной модуляцией готов.

Послал сигнал в другие галактики. Оставалось только ждать...

Удача не заставила ждать героя! Через несколько лет получил ответку. Из сообщения понял, что иногалактяне хотят пожаловать в гости для личного знакомства. Но путь не близкий: двадцать световых лет...

Случилось! Ооо!! Едут!

\* \* \*

...Месседж-то месседжом. Но ведь важно правильно заземлиться! В нужную координатную точку. А для этого необходим радиомаячок.

Вся проблема заключалась в точности его настройки, что, в свою очередь, зависело от пространственного ухода частоты, так называемого эффекта Доплера-Смирнова<sup>4</sup>. Кварцевые резонаторы из ручных часов не предполагали требуемой прецизионности, поэтому Малярчук непрерывно конструировал новые варианты устройства.

К сожалению, первый раз на манок Малярчука пришельцы приземлились неудачно: возле американского городка Розуэлл в 1947 году (сместились координаты, как фактора времени, так и географические вследствие гравитационного искривления континуума – а пилоты не учли эту поправку), да как «приземлились»? Просто расшиблись всмятку<sup>5</sup>. Причем обе тарелки (их было две, одна гостевая, для ответного визита землян).

Усовершенствованный маячок уже давал приемлемые значения. Плюс-минус двести километров и 1–2 дня (для нескольких световых лет это, конечно, исчезающая погрешность). Поэтому вторая экспедиция нлоитян запеленговала его уже со стандартным отклонением в Суксунском районе у села Молебка. И начала присылать туда понемногу свои разведывательные биороботы.

Их сразу же засекли местные жители, вернее, местным это было до фени, а вот городские родственники, приезжавшие на выходные в гости и барагозившие в подпитии по кустам, вот для тех это было реальное открытие!

---

<sup>4</sup> Иван Смирнов – пермский теорфизик, друг Вивасова.

<sup>5</sup> Бытует, однако, версия, что пришельцев сбил из берданки местный фермер, приняв за японский истребитель с камикадзе. Не знал в своей глуши, что война уже два года как закончилась.

Первым о внеземных контактах поведал миру в рижской газете «Светская молодежь» некто Пауль Мьюхортов в статье под интригующим названием «Эмский треугольник». И понеслась слава по миру. Пермский геолог Эдуард Вашурин срочно организовал «научные» экспедиции на местность, где регулярно приземлялись межпланетные корабли. Участники походов, куда дважды затесался Всева (1989, 1992 годы), часто коротали ночи у костра под бренчание гитары и крепленое вино (крепленое, естественно, водочкой).

Да, первоначально Малярчук предполагал встретить долгожданных пришельцев на месте пробных высадок. Но здесь была существенная опаска: спугнут иноземцев туристы-скомо-рохи! Да и всё время отлучаться на сутки-двой из квартиры, в ожидании их прибытия слишком подозрительно для жены. Мариша, легко устроит скандал с использованием сковородки.

Затем у Всевы родилась более здравая идея, как переориентировать флагманский корабль иноземцев на свой двор на Средней Ямской: достаточно разместить радиомаячок непосредственно в лесу у села. Тогда отклонение приведет нлоитян точно в местопроживание Батумыча.

Прибыв на место, Всева закопал радиопередатчик (напомним, переделанный транзистор «Альпинист») в грунт на два метра в глубину в пластиковом пакете, а антенну вывел наружу в виде шляпки мухомора. Но эти упыри-уфологи всё время сбивали ее грязными сапогами, а один даже норовил сделать из нее настойку, но не смог перекусить контактный высоковольтный токоподводящий провод, через который Всева подпитывал устройство от линии электропередачи, – спалил зубы и испарился сам («еще одно неопровержимое свидетельство похищения людей инопланетянами»). Так что тоже не выход!

Проблему низкой точности кардинально удалось устранить только не так давно благодаря мощным микропроцессорам к смартфонам, которые в обилии появились на Пермском радиорынке «Привоз». Тогда модернизированный прибор обеспечил филигранную четкость обнаружения – до десятка метров. Да и антенну-ретранслятор Малярчук постепенно усовершенствовал: установил ее в виде грибка в детской песочнице, железная поверхность которого служила мощным приемопередатчиком излучений.

Не случайно, пацанам всегда было уютно под ним, он кроме всего прочего, собирал позитивную энергию космоса.

\* \* \*

Итак, получено долгожданное сообщение: «Едут».

Малярчук был готов к встрече, тем более что ему об этом доложили агенты из обсерватории в горах Памира и планетария на бульваре Гагарина в Мотовилихе. Те и другие. Не верить двойной информации было бы нелепо. Следовало, однако, серьезно подготовиться к встрече. Но так, чтобы это осталось незамеченным остальными обитателями двора. Времени преступно мало! Лучший вариант маскировки от лишних глаз и ушей – как обычно, набраться в стельку, дабы всё было правдоподобно.

...Званные гости материализовались аккурат во дворе дома на Средней Ямской в согласованное время в июле 2008 года.

Кратко опишем происходившее со слов Евсеича:

«Как-то вдруг быстро смеркалось. Стоял теплый летний вечер. Малярчук, хватив норму, прикорнул у дерева, привалившись к стволу (*на самом деле он медитировал в томительном ожидании, прим. автора*). Люлипупенко, как всегда, лежал на траве в полной отключке. Шуран и Вадик сидели в обнимку на скамейке под акацией. Музян пока держался на дрожащих ногах. Я дочитывал газету. Точнее, делал вид, что дочитываю, а сам спал с открытыми глазами (я это умею). Да, еще был Гуньдюк. Вернее, громко сказано «был». Правильнее сказать – не был. Как

и Люлипупенко, обнимал почву... Вдруг вечернее небо озарилось хороводом разноцветных огней.

– Опять салют что ли по случаю дня нефтяника? – вслух подумал Шуран.

– Или газовика, – откликнулся Вадик.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не салют. На баскетбольную площадку приземлилась тарелка. Самая настоящая. Суповая. Только размером раз в десять больше. Спустился автоматический трап, и из недр агрегата высыпало стадо невысоких человечков с ушами и носами дудочкой. Они разделились на две группы и бросились к пацанам. Первая с невообразимым визгом схватила Малярчука и откантовала в люк. При этом человечки пищали «Хмелус Старус» или что-то похожее. Не успела братва опомниться, как из цепких объятий Вадика и с воплем «Бодунс Квасус» вторая группа нлоитян (а это были именно они) выхватила Киселькова и потащила следом за Малярчуком. Земные ребята моментально протрезвели:

– Киселя не отдадим!

И ну поливать пришельцев остатками пива. Хотя его и было жалко. Не очень-то непрощеным гостям этот душ понравился. Заискрилось где-то в их контактах.

– Как? Что за борзота? Разваливать компанию?! Не милиция ведь, никто права не давал!

Вадик схватил какой-то кол, а Музян – детский совочек из песочницы. И лишь Люлипупенко без оружия пополз по-пластунски. Хватал инопланетян за ноги. И мешался пацанам под ногами. В большей степени. Завязалась неравная борьба. Причем те пуляли лазерными лучами и даже один раз попали в ногу (в носок ботинка) Музяна. А мне прожгли шляпу в четырех местах. Пацаны отступили. Но не насовсем. Исключительно для перегруппировки сил.

– Буду заползать с тыла, – пробулькал Гуньдюк, не вставая с травы. – Вы, четверо (имелись в виду Дулепистые и Музяны) – спереди. Катите Арнольдов вместо бревен и прячьтесь за ними.

К тому времени Люлипупенко опять отрубился, и иначе, как катить его, по-другому бы не получилось. Ну, с Богом! Братва предприняла решительную контратаку. Тактически всё было задумано грамотно, и ребятам удалось окружить неприятеля вместе с тарелкой. Особенно пригодилась детская рогатка (нашли на земле), из которой Гуньдюк стал стрелять обильно смоченной жевательной резинкой из положения лежа с упором головой в почву. При этом извел весь боекомплект – целую обойму новеньких подушечек «Стиморола» с мятным вкусом. Музяну удалось создать дымовую завесу из раскуренной пачки «Примы». Никотин еще, как выяснилось, и боевое отравляющее вещество. И не только для землян. Но в большей степени и для инопланетян. Тем он очень не понравился. Очень! Схватка продолжалась, казалось, целую вечность (как потом выяснилось, минуты полторы). Отличился опять же Вадик Дулепистый: он хватал бусурманов за хоботы дудочкой и с силой зашвыривал на ветки деревьев. Или дул в растопыренные уши из игрушечного саксофона. Это их вырубало надолго. Не выдержав дружного натиска, противник отступил. Панически. Бросив на поле боя Киселькова, несколько лучевых пистолетов (до сих пор лежат дома у пацанов для самообороны, правда, батареек к ним в магазинах и даже на рынке не достать) и трап. Вадик потом отвез его на дачу в яму за картошкой спускаться. Легкий как пушинка и прочный. Не иначе, нанотехнологии... Инопланетная тарелка газанула и растворилась в киберпространстве. Одно плохо: не успели хлопцы внутрь попасть, чтобы вызволить Батумыча.

– Пропал навеки, – всплакнули мужики...

...Малярчук появился также внезапно, как и исчез. В час ночи, причем абсолютно трезвый. Настроение у него было подавленное (правильнее сказать, паршивое). О своих злоключениях рассказывал скупо:

– Провел лет десять в инопланетных застенках. Испытания нечеловеческие. Хуже, чем у нас в урологии. Три последних дня капли влаги в гортани не было. Хотели взять измором.

Повезло. Там, оказывается, тоже есть типа гаишников – нлоишники. При очередной перевозке остановили тарелку на каком-то астероиде.

– Что везете? Где накладная? Где путевой лист?

Те врассыпную. Браконьерами оказались или контрабандистами – сейчас неважно. Эти изучили материалы задержания и первым попутным рейсом на Землю. Отпустили с миром. Напоили до безумия какой-то гадостью. До сих пор выворачивает: типа нашей тормозной жидкости. Сказали: «Для восстановления сил». Пить, наверное, больше не смогу.

– Вспомни еще хоть что-нибудь, Батумыч!

– Кажется, были на нескольких разных планетах, всё по каким-то испытательным центрам и диагностическим лабораториям. Разбирали, как говорят, по винтикам. Промывания опять же всякие. Хуже, чем у Левы на кушетке.

– Придется проводить сложный этап восстановительной реабилитации, – решили пацаны.

Единственная, кто «обрадовалась» возвращению – это жена, потому что Малярчук заявился ночью абсолютно трезвый:

– Где был, кобельщик?

– У инопланетян.

– Сейчас проверю: а ну, скажи быстро «панэпидемиология».

«Самой-то не выговорить, даже по трезвяку», – подумала жена Батумыча.

Но Всева продекламировал всё слово без запинки.

– А почему ни в одном глазу?

– Не поили, вот почему!

– А не у Аньки ли из первого подъезда пропадал?

И давай лупить, чем попало. А это она, как мы знаем, умеет в совершенстве. Потом назойливо всякие «Рен-TV» и уфологи донимали, всё выспрашивали. Но Малярчук дал обет молчания. А то жена снова привяжется с этой Анькой».

Вот всё, что воспроизвел по обрывкам памяти Евс.

\* \* \*

...Через неделю после возвращения, присмотревшись, Мариша неожиданно для себя установила: муженек помолодел – лет на десять, не меньше. Пивной живот почти исчез, волосы закучерявились. Местами. Зубы выросли. Мудрости. По второму кругу. Еще один повод для расстройств. Но каким образом ему это удалось? Женщина сделала вывод, что всему виной косметический салон, разместившийся на первом этаже дома. Специально стала следить за суженым. Показывала даже фото сотрудницам. За вознаграждение. Те дружно отнекивались: «Не, не наш клиент». И в стоматологии «Ядреный корень», и в фотостудии «Параллакс» никто не признал данного господина.

Тогда Мариша устроила Всеве допрос с пристрастием, предварительно приклеив его к стульчаку в туалете на цианакрильный клей.

– Ты никак в геронтологическом центре подвизался? У пластического хирурга Куприясова? Левиного дружка? На молодух потянуло?! – Затем жестко и бескомпромиссно потребовала. – Покупай сра-капсулу, не тебе одному молодильными яблочками забавляться!

Всеве ничего не оставалось, как выполнить приказ жены.

\* \* \*

Что же всё-таки действительно произошло с Всевой?

Подробности этого стали известны лишь совсем недавно. Забыл сказать, что накануне «похищения» Всева связался со «Стариком». И тот дал добро, подписал производственное

задание на добычу новых технологий. Попутно Малярчук в переписке предложил нлоитянам за компанию забрать в космический вояж своего ученика Шурана Киселькова (для личной подстраховки).

Вся операция чуть было не сорвалась из-за пацанов. Они же не знали всей подоплеки событий. Ни за что не хотели отдавать Всеву – полюбился он им (всегда изображал безобидного деревенского простачка), пытались даже прорваться внутрь летающей тарелки и отметить чужеродных тварей.

...После того как нлоитяне торжественно подняли на щупальцах Батумыча и с подобающими в таких случаях почестями поволокли в чрево космолета, тот притворился, что стукнулся при транспортировке головой об обшивку и потерял сознание (классный план, не правда ли?).

Неожиданно в процесс «похищения» вмешался Вадик.

Своими решительными действиями он почти освободил Батумыча и тем самым поставил под угрозу всю операцию. Малярчуку ничего не оставалось, как исподтишка засветить другу пяткой в лоб. После чего Дулепистый камбалой растянулся у входа, а затем соскользнул с трапа на землю. Всева же прикинулся мертвецки пьяным (инотяне расценили это состояние как «лишенное жизни»).

Чужеземцы попытались также препроводить на космический корабль и Шурана. Но неудачно. Слишком напористыми и озлобленными были дворовые собутыльники.

Хлопцы, опомнившись от первоначального шока, принялись остервенело отбивать своего юного товарища.

Потеряв оружие и посадочный трап, пришельцы посчитали за лучшее покинуть место межгалактического свидания (в их Центре не поймут еще одного Розуэлла).

Тем временем Всева лежал трупом<sup>6</sup> на холодном металлическом полу тарелки. Впал, что называется, в киберкому, особое состояние, когда обострен только слух в широком диапазоне звуковых частот. Зато одновременно происходит омоложение всего организма: клеточные часы сначала сбиваются, а потом начинают отсчет в обратную сторону.

С помощью вмонтированного в нос виброакустического локатора на пьезоэлементе (а говорили, аденоиды) высокий гость изучал внутреннюю обстановку в звездолете. По шороху определил состав обшивки: метаматериалы. Такие на Земле были только в стадии фантастических проектов. Вокруг тела, как блохи, сновали наномоторчики на легких нейтронах. Легкое подрагивание стен взлетающей тарелки выдавало конструкцию маршевого двигателя. «На пимезонах. Варп-двигатель, – понял Малярчук. – Конструкция подобного была описана в журнале для школьников «Юный техник» в начале семидесятых прошлого века одним сибирским умельцем-старовером».

Инопланетяне, вероятно, откуда-то раздобыли подшивки... А что это?.. Новый звук. Как из ведра... Вот также шумит микроволновка, когда разогревает любимые Всевины сосиски Кунгурского мясокомбината. Драйв, однако! Похоже, эта байда функциклирует за счет магнетрона. «Надо подать идейку своему старому английскому приятелю Роде Шаевичу (Роджеру Шойеру), пусть сварганит что-нибудь аналогичное, напишу сыну, Гаврику, чтобы разыскал его и попросил поэкспериментировать с СВЧ-печкой и ведром<sup>7</sup>».

Сначала «травмированного на всю голову» Малярчука доставили на перевалочную базу. На обратной стороне Луны. В кратере. Рядом в соседях гнездидись другие цивилизации. Дипмиссии и консульства. Народцы, скажем так, своеобразные. А рожи! Увидишь подобные во сне – не проснешься!

---

<sup>6</sup> Однако через три дня подобной «отключки» Малярчук вынужден был принять кислородную таблетку, которая лежала в кармашке под видом валидола.

<sup>7</sup> В последующем друг Всевы запатентовал EmDrive.

...Вокруг лежащего Батумыча суетились какие-то немтыри. В том же обличье, что и в тарелке, но в грязных комбинезонах, похоже, космослесари. Все же удалось подставить одному подножку, чтобы понаблюдать за последующими действиями инопланетян. Те вцепились друг в друга. «Как это по-русски!» – тепло подумал Малярчук. Но разнимать не стал. Статус кво не позволил.

...На базе имелась аналитическая лаборатория. В ней полученные в ходе экспедиции трофеи сортировались для дальнейшей утилизации. Решив, что гость землян безвозвратно потеряян для дипломатических переговоров в результате аварии, Малярчука направили на биолокацию с последующей разборкой на органы.

Особенно заинтересовались инопланетяне при предварительном осмотре Всевы мозолями на ступнях. Материал будущего: прочный, легкий и быстро самозарастающий.

На основе мозолей впоследствии предполагалось создать обшивку скафандров, выдерживающую сверхвысокие температуры (правильно! если учесть, что Всева в них топтался на тлеющих углях и в #160; мартеновских печах на расплавленной стали, см. ниже). Неподдельный интерес вызвали также ногти на ногах как прекрасный диэлектрик для высоковольтных конденсаторов. Пробоя не наблюдалось даже при меганапряжении (испытания проводились тут же. Всева высекал искры зубами, но виду, что живой, не подавал). И вообще Малярчук понял: им нужен скелет для динамических исследований, что никак не входило в планы разведчика.

После нескольких дней стендовых испытаний Батумыча перегрузили в крейсерский корабль «Птица счастья». И направили ближайшим рейсом на материнскую планету. В 6 парсеках от Земли. Сверхсветовую скорость Малярчук переносил не очень, особенно, межгалактическую турбулентность. Уши закладывало, и язык в гортань засасывало. Сердце опять же клапанами поменялось: осуществляло перекачку крови в обратную сторону – артерии становились венами, а те, наоборот. Антикессонная болезнь – когда кислород из тканей прямо в кровь абсорбируется... Пищеварительный процесс в обратную сторону разворачивается. Толстая кишка играет роль пищевода, а тот – кишечника. Питаться в таком состоянии (сидя на пище) крайне неудобно. Давленный виноград не весьма приятен.

Между тем Всева вспомнил, что на последнем курсе разведшколы у них был спецпредмет. Особо секретный. Назывался «Внеземные контакты». Предохраняться от этих «контактов» следовало в сто раз осторожнее, чем женщинам от мужчин и зайцам от тигров. Занятия проводились строго в состоянии невесомости. Для этого использовался лифт в свободном падении в одной из Московских высоток («МГУ»)<sup>8</sup>. Иногда вместе с курсантами в кабинке оказывались запоздавшие на пару учащиеся вуза. Ох и доставалось же им! Будущие разведчики терпеть не могли гражданских и всячески измывались над ними, осваивая на практике приемы дознаний в военных условиях (выбивания показаний у «языков»).

У Всевы по этому предмету в журнале всегда стояла оценка «отлично». Сколько бывших студентов и студенток, а теперь дедушек и бабушек, ныне покрываются холодным потом лишь при одном лишь упоминании о встрече со Свирепым в лифте.

Кстати, лифтовики замаялись менять подъемные тросы. Перерасход по материалам был просто шокирующим.

Из-за этого работники треста регулярно лишались квартальных премий. А работали частенько сверхурочно. Текучка кадров была огромной.

Кроме экспериментов над гражданскими, любимым развлечением курсантов в условиях невесомости считалось поглощение коричневых шариков «Жигулевского», которые предварительно выливались в пространство из железной канистры и плавали по всему лифту.

<sup>8</sup> К сожалению, остальную специфику предмета не имею права озвучивать... Ну разве что лет через сто-двести.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.